

МАРИНА
МОСКВИНА

18+

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

ЗОЛОТОЙ
ВОСКРЕСНИК

Марина Львовна Москвина

Золотой воскресник

Серия «Классное чтение»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68826810

Золотой воскресник : [роман в эпизодах] / Марина Москвина: АСТ;

Москва; 2023

ISBN 978-5-17-152634-4

Аннотация

“Москвина – это кратчайший путь от серьезного до смешного”, сказал писатель Борис Минаев. Этот путь и привел Марину Москвину на феерический “Золотой воскресник” – праздник тех, кто уже посадил на субботах своей жизни дерево, и не одно. Юрий Никулин, Слава Полунин, Тонино Гуэрра, Виктор Чижиков, Дина Рубина, художники, издатели, музыканты, актеры, странствующие менестрели – все они виновники смешных, странных и грустных случаев, которые, как драгоценности, много лет собирала автор. Блюзовый драйв этой книги приглашает превыше всего ценить жизнь – ведь другой, лучше этой, уже не будет.

Содержит нецензурную брань.

Упомянутые в книге Дмитрий Быков и Виктор Шендерович в соответствии с российским законодательством признаны

иностранными агентами или лицами, выполняющими функции иностранного агента.

Содержание

Их было много, и каждый говорил о своем	7
Какие же легкие – легкие	8
Что вы хотите от человека, которого зовут Теодор?	78
У каждого свой даблоид	157
Конец ознакомительного фрагмента.	160

Марина Москвина

Золотой воскресник

© Москвина М.Л.

© Тишков Л.А., иллюстрации

© Бондаренко А.Л., художественное оформление

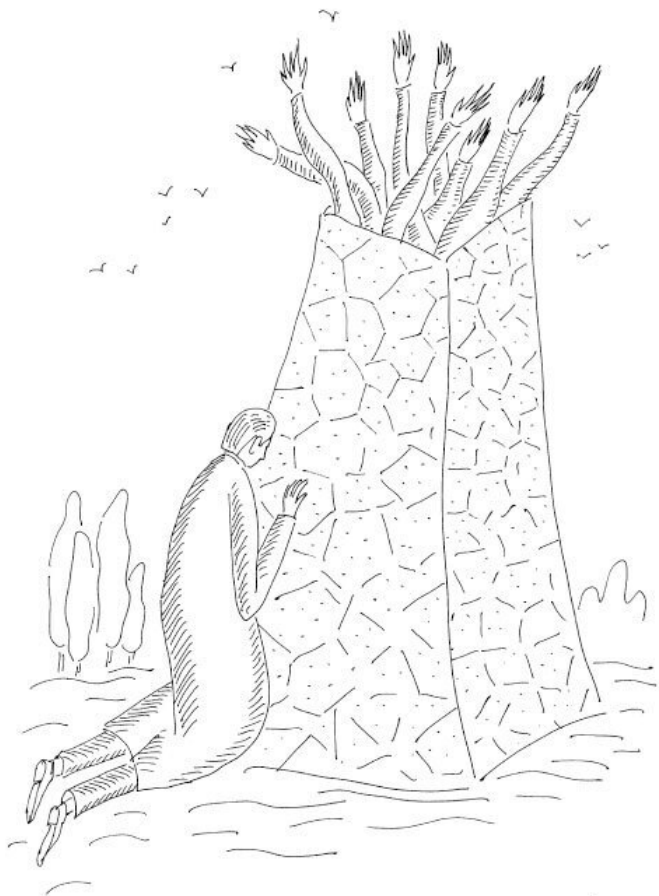
© ООО “Издательство АСТ”

Главный редактор Елена Шубина

Художник Андрей Бондаренко

Иллюстрации Леонида Тишкова. В оформлении переплета использована акварель “Ночной прохожий и женщина-птица” (2022)

Упомянутые в книге Дмитрий Быков и Виктор Шендерович в соответствии с российским законодательством признаны иностранными агентами или лицами, выполняющими функции иностранного агента.

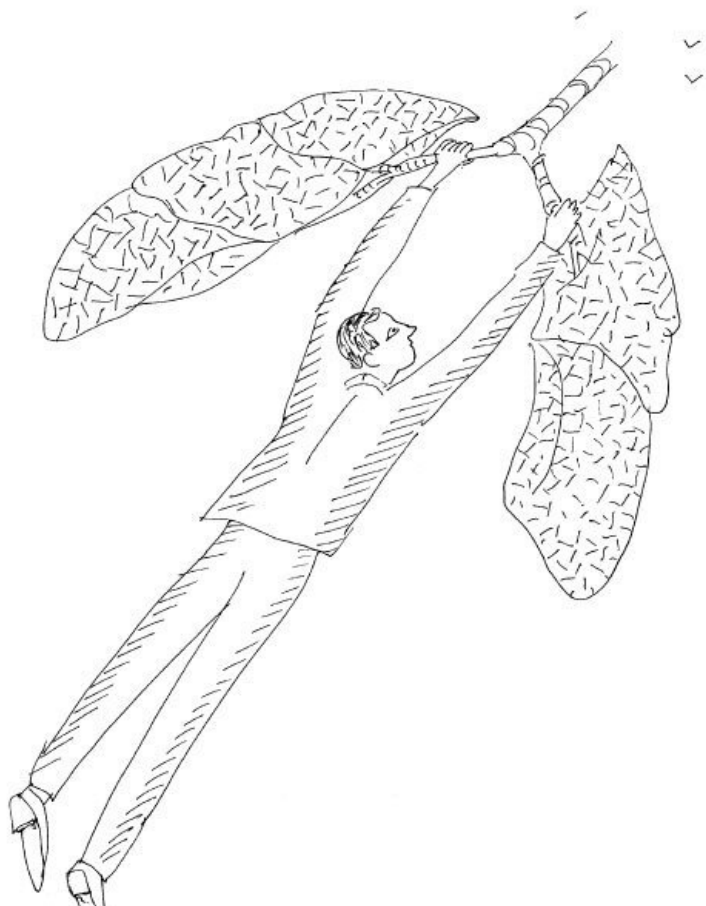
Их было много, и каждый говорил о своем

Однажды, путешествуя по Японии, я встретила норвежца, бродившего от селения к селению в горах острова Хонсю. Звали его Стол Стенсли. Профессор художественной школы в Осло, он вел там занятия по саунд-арту – искусству, которое вместо кистей и красок использует звуковые вибрации. Мелодии речи, тембры, голосовые оттенки, интонации были красками на его палитре.

Профессор Стенсли записывал японцев, чтобы построить инсталляцию в форме карты тех мест, где он побывал. Через какое-то время в музее Итихары я увидела его творение *The Ichihara Touch Tales*. Это был рельеф горной местности с точно обозначенными населенными пунктами. Когда ты подносила руку к одному из них, включались динамики, и в зале начинали звучать голоса жителей этого городка или деревеньки. Они рассказывали о себе, о своей любви, о местечке, где родились и живут.

Зрители простирали ладони над этой маленькой землей и слушали живые голоса ее невидимых обитателей. Их было много, и каждый говорил о своем, вливаясь в грандиозный человеческий хор, объединяющий всех нас, живущих по разным уголкам Вселенной.

Какие же легкие – легкие

Жил на свете суфийский мистик, звали его Абдулла. Однажды его спросили, почему он всегда веселый? Тот ответил: «Когда-то я был таким же печальным, как ты, и вдруг меня осенило: это мой выбор, моя жизнь! С тех пор каждое утро, просыпаясь, я спрашиваю себя: «Абдулла, настал еще один день. Чего ты хочешь? Страдания? Блаженства? Что ты выберешь сегодня?» И всегда так получается почему-то – что я выбираю блаженство...»

* * *

– И напиши обо всех с юмором, – сказал художник Леонид Тишков.

– Но многих уже нет...

– Тогда напиши с юмором о тех, которые, как нам кажется, есть, хотя их нет, и – без юмора – о тех, которых, как нам кажется, нет, хотя они есть.

* * *

– Я имела неосторожность, – сказала мне Дина Рубина, – вывалить все свои байки, которые я накопила за целую жизнь, в книжку «Больно, когда смеюсь». Теперь на выступлениях я вынуждена просто читать свои рассказы, потому

что все уже всё знают и читали.

– Так, значит, не надо этого делать? – спрашиваю. – А я как раз именно этим сейчас и занимаюсь: вываливаю все свои байки...

– И правильно делаешь! – горячо воскликнула Дина. – Публика это обожает!

* * *

Пять раз пришлось мне сдавать на факультете журналистики “Божественную комедию” строгой Ванниковой – и всякий раз, пытаясь классифицировать круги ада, я приводила ей слова великого Данте Алигьери о любви, что движет солнца и светила, а заодно и строки Шиллера о божественной радости, чья власть связует свято все, что ныне врозь живет... Пока на пятый раз она мне не сказала:

– Москвина, если я еще раз услышу от вас о любви, что движет солнца и светила, я напишу докладную Засурскому.

* * *

Мои родители долго собирались, наконец, засели за письмо друзьям в Париж, чуждым старикам Клоди и Андре Файен.

– “Здравствуйте, Клоди и Андре!..” – начал Лев.

– А Андре-то жив? – засомневалась Люся. – Что-то он болел последнее время...

– Но ведь нет сведений, что он умер...

– Ага, тогда так, – сказала Люся. – “Здравствуйте, Клоди и Андре, если ты жив...”

* * *

Юрий Никулин дружил с моим дедом Степаном Захаровым, в поселке Кратово он частенько заходил в гости вечерами гонять чай (и не только чай!). Степан был большой хохмач и шутил напрапалу над всеми, невзирая на лица. Рыжий, конопатый, хромой, сам себя дед называл мордovorотом. “Я иду, а на меня все морды воротят”, – с гордостью говорил он.

* * *

Увидев нас с маленьким Серёгой в цирке на Цветном (зашли к нему в кабинет по старой дедовой дружбе) – Юрий Никулин воскликнул:

– Значит, ты, рыжик, правнук Степана Степаныча? Вижу породу! Это ж мировой был мужик! А выпить любил!

И мне – доверительно:

– В нем есть что-то наше, клоунское, если что – позвони,

я составлю протекцию...

* * *

Юрий Никулин подарил нам свою фотографию и подписал: “Марине и Серёже на добрую память”.

Да еще нарисовал автопортрет!

А чтобы Лёне Тишковой было не обидно, я по дороге домой шариковой ручкой вписала “и Лёне” – никулинским почерком...

* * *

В Доме творчества, обдумывая финал своей пьесы про летающего крокодила, решила посоветоваться с поэтом Григорием Кружковым.

– Он должен чем-то пожертвовать, чтобы взлететь. Возможно, своим хвостом, – сказала я.

– Ни в коем случае, – ответил Гриша. – Довольно того, что он пожертвовал своим *реноме*...

* * *

– Как бы мне найти слова, – спросила я у Кружкова, – чтобы не сказать ничего определенного?

– Если ты хочешь ничего не сказать, – ответил Гриша, – то лучше тебя этого никто не сделает.

* * *

В Сургуте, выступая в детском доме, показала ребятам фотографию гигантского Будды в Камакуре.

– Кто это?

Молчание.

Вдруг одна крошечная девочка в последнем ряду еле слышно сказала:

– Это Будда.

– Почему ты так решила?

– Сама не знаю, – ответила она.

* * *

Летим в Прагу на книжную ярмарку. В аэропорту Домодедово в кофейне сидит Андрей Георгиевич Битов. Я устроилась поодаль и наблюдаю, как он бросил сумку на полу возле столика – у него был кожаный портфель на длинном ремешке, выдавший виды, – и ушел в книжный магазин, купил несколько толстых книг и минут через двадцать вернулся. В аэропорту! Это показалось мне величайшим актом доверия человечеству.

* * *

Художник Тишков – расцветающему бутону:

– Вот ты из нас единственный, кто знает, чем занимается...

* * *

В Доме творчества в кои-то веки вышел на ужин сосед по столу, художник.

– Неделю, – говорит, – из номера не выходил – рисовал. Ел пряники, селедку. А тут все запасы кончились, даже хлеб.

– А что вы рисовали?

– Я? Портреты.

– Маслом?

– Зачем? Карандашом. Красками рисуют те, кто карандашом не умеет рисовать.

– А чьи портреты?

– С фотографий.

Дальше я не стала спрашивать.

* * *

– У меня племянник в деревне живет, – он мне рассказы-

вал. – Ест один раз в день. В пять встает, в шесть ест суп. Там у него все, в этом супе: рис, морковь, пшено, зелень, курица. Поест один раз – до следующего дня хватает. Вот с кого пример надо брать. Восемьдесят лет – ни одной болячки. Здоровье лучше, чем у меня в шестьдесят. И – ни одного седого волоса.

Меня удивило, что племянник старше своего дяди на двадцать лет, но я и тут не стала задавать лишних вопросов.

* * *

В ДК “Москворечье” на джазовом концерте, где импровизировал Курёхин, бил в барабаны Тарасов, дул в диджериду, мундштук валторны и флюгельгорна Аркадий Шилклопер, пел Старостин и на двух саксофонах разом играл Чекасин, я впервые увидела композитора Михаила Альперина. Он вышел – чернобородый, в соломенном шлеме, зеленых носках, красной рубашке. Кто-то крикнул:

– Ребята, “толстое” время началось!

Альперин был в ударе, он играл на рояле руками и ногами, он играл всем, что имел. И как играл! Стоит ли говорить, что знакомство с Мишей вдохновило меня на книгу “Моя собака любит джаз”.

* * *

– Джаз – это состояние, похожее на сумасшедший транс, – объяснил мне Альперин. – Ходьба по лезвию ножа. *Jazz* – это *fuck* – когда Божественная Энергия переливается через край и прет драйв!..

* * *

– Люди преклоняются перед великими именами, – возмутился композитор Миша Альперин. – “Ты джазмен – играй, как Эллингтон!” А моя мама не была негрityнкой, она была еврейская мама, она пела мне еврейские колыбельные, а в этом – всё.

* * *

Плакатик Андрея Логвина, пришпиленный к обоям в виде записки:

Надеюсь, ты знаешь, как я тебя люблю?

* * *

“Дорогая Марина! Дорогой Леонидас! Боюсь, что мои

письма не дошли до вас. Так что опять и опять поздравляю вас с Рождеством! Сижу я во Франции прекрасной на северо-западе в Бретонии, на берегу Атлантики, в чудесном городке Ренн. Скучающий по вам Резо пишет и пишет пьесу, потом рвет, выкидывает, потом снова пишет и думает о вас. А пишет он, любящий вас, все по-прежнему о Кутаиси, и пьеса так и будет называться «Кутаиси». Очень интересно, что у вас нового? Новые книги? Выставки? Даблоиды? Стомаки? Очень беспокоюсь о вас. А письма ко мне посылаются следующим образом: пишется письмо, ищется иностранец, серьезный, а то среди них тоже попадают, как наша Лия Орлова, необязательные, и просится отправить письмо мне. Сейчас я в кафе и адреса своего не помню. Дождь, и не хочется идти домой. А рядом почта! Счастья вам! Ваш Резо Габриадзе”.

* * *

Перед отъездом Дины Рубиной в Иерусалим я повела ее в Зоологический музей.

– Ты когда-нибудь бывала в Зоологическом музее?

– Нет, никогда.

– Как же так? – я воскликнула. – Ты уезжаешь в другую страну, еще не всех чучел повидав в этой?!

* * *

Поэт Сергей Махотин, провожая меня на Московском вокзале из Питера, протянул на прощанье конверт, там были стихи:

Марина, приезжай скорей,
Счастливо, до свидания,
Что я Сергей, а не еврей,
Не обращай внимания.

* * *

Приснился сон – кто-то говорит:

– Когда ты что-то пишешь, – и он показал – как будто пальцем по бумаге, – обойми это своим горящим сердцем, – и в воздухе нарисовал сердце.

* * *

В редакции журнала “Знамя” случайность свела меня с Александром Ерёменко, прославленным Ерёмой, “королем поэтов”. Он вошел в комнату и мрачно всех оглядел. Подумала: “Это Ерёменко”. Хотя никогда его не видела. Замотан-

ный шарфом, подшофе, лохматый, усатый, аура гения полыхала вокруг, и нечем мне было привлечь его сердце, кроме как своим бушлатом. Лоцманский бушлат английского моряка был на мне, этого обстоятельства Ерёменко никак не мог оставить без внимания: в далекой юности, воспользовавшись минутной отлучкой военкома, Ерёма САМ переложил свои документы из стопочки “пехота” в стопочку “морфлот”.

– Хотя там на год дольше служить, – сказал он мне в кофейне, куда мы потом зашли. – *Зато не носить сапогов!*

* * *

Ерёма был очень суров на вид. От него исходила какая-то опасная непредсказуемость.

– Мне в драке выбили зуб, я этого стесняюсь, – он сразу предупредил. – Улыбки от меня не дождешься.

* * *

– Представляешь, – рассказывал мне поэт Яков Аким, – на открытии сезона Дома литераторов к микрофону вышел человек мужского пола – *в одних часах* – и сказал: “Дорогие коллеги! Поздравляю вас с открытием сезона!” Он повернулся задом – на ягодицах у него написано: “СП СССР”. Повернулся передом – “член СП СССР”. ...А мы сидим –

Белла Ахмадулина, Рождественский, Вознесенский...

* * *

– Я могу стихи читать в любом бардаке, – сказал Ерёма.
Вечер, дождь, кофейня, где мы сидели на “Маяковской”,
битком набитая, гудела от голосов.

– Читай.

– “По рыбам, по звездам проносит шаланду: три грека в
Одессу везут контрабанду...”

Все смолкли.

– “Вот так же и мне в набегающей тьме усы раздувать, раз-
валясь на корме...” – рокотал он в полнейшей тишине.

Вдруг остановился.

– Проглоти, – сказал он, – я подожду. Нельзя есть, когда
читают такие стихи.

(Я откусила печенье.)

* * *

– Ты знаешь, что Горький пришел вызволять Гумилёва от
расстрела. Уже со всеми уговорился. Приходит в камеру и
говорит:

– Поэт Гумилёв, выходите!

– Здесь нет поэта Гумилёва, – ответил ему Гумилёв. –

Здесь есть прапорщик Гумилёв.

И его расстреляли.

– Это правда так было? – спросила я у Ерёменко.

– Да! – он ответил.

* * *

Ерёма уронил на стол пепел от сигареты, лизнул палец, прилепил пепел и съел.

– Запомни, – сказал он. – Пепел – он стерильный. Любой пепел!

* * *

В середине 70-х Лёня Тишков впервые пришел в Большой театр – отец Лев достал нам билеты на “Кармен” с Майей Плисецкой и Александром Годуновым.

Вдруг Лёня говорит:

– Ой, не нравится мне Годунов, что-то он плохо танцует, видно, неважно себя чувствует.

Я стала над ним насмеяться: тоже мне, знаток балета...

В перерыве вышла на сцену какая-то женщина и сказала:

– Просим извинения: Александр Годунов заболел, поэтому роль Хозе будет исполнять другой артист.

* * *

– Тебе не кажется, что шпиль собора из тумана приближается к нам гораздо быстрее, чем мы идем к нему? – спросил Гриша Кружков.

* * *

– Я хочу тебя предупредить, чтоб ты не попала впросак, – сказал Гриша, отправляясь на станцию встречать знакомых англичан. – А то вдруг ты подойдешь к ним и гомерически захохочешь...

* * *

Серёжа в детстве звал Кружкова “мужик Кольцов”.

* * *

У нас в Орехово-Борисове у метро “Красногвардейская” вознесся к небу баннер, он продержался недолго и не произвел никакого впечатления на жителей нашего спального района. На нем было начертано:
не прелюбодействуй!

* * *

– В детстве я ненави́дел музыку, – рассказывал Миша Альперин, когда мы стали друзьями. – Я бежал из музыкальной школы домой по мосту и с наслаждением сбрасывал с этого моста партитуры! Это доставляло колоссальную радость – видеть, как ноты летят над пропастью и плывут по воде. Но! Когда мы получаем солидный багаж, у нас появляется возможность забыть, чему нас учили, и понять, наконец, что мы живем в прекрасном мире, где есть всё!

* * *

Выбравшись из кофейни, Ерёма позвал к себе пить самодельный портвейн.

– Из чего?

– Из слив!!! – ответил он с удивлением. – А из чего же еще можно делать портвейн???

* * *

Я уходила к “Маяковке”, а он стоял на улице и смотрел мне вслед.

Больше мы с ним никогда не виделись.

* * *

Vse, lechu domoy, – пишет Лёня из Лондона, – zabil sumku na skameyke v parke – vernulsya – dengi ukraly, telefon i kartochku. Pozvonil v bank – schet zablokiroval.

Sasha Brodsky dal deneg vsaymu – otdam emu v Moskve. Tak – vse otlichno!

Samolet moy v 12 dnya. Budu doma v 7 vechera.

Obnimayu, tcelyu!

* * *

– Вы с утра уверены, что находитесь на той же планете, что и вечером? – спрашивал Резо Габриадзе. – А вечером уверены, что еще на той же земле? Мы кружимся между вымыслом и... еще большим вымыслом. Но я хочу за все быть благодарным Господу. Говорят, Сатурн – только сера и больше ничего, а у нас здесь сколько петрушки, огурцов...

* * *

Сидим пьем кофе с Лёней, золотая осень, теплая, открытое окно, вдруг сверху полетел то ли снег, то ли пепел. Для снега рано, для сигареты – много...

– Может, развеивание происходит? – печально предположил Лёня. – Родился, жил и умер в Орехово-Борисове, прошу мой прах развеять во дворе над гаражами, и пусть автомобили разнесут его по свету...

* * *

В “Малеевке” поэт Евгений Солонович – переводчик итальянской литературы, лауреат множества литературных премий Италии, командор ордена “Звезда итальянской солидарности” – подкармливал всех окрестных собак. В столовой он собирал с тарелок, кто что не доел, и выносил псам на улицу в условленное место, где они его заранее поджидали.

Пора возвращаться в Москву, а Евгений Михайлович даже на лыжах ни разу не прокатился.

– Ничего, – говорил, – я привык себя за что-нибудь корить. Лучше уж я буду думать: дурак я, дурак, не катался на лыжах, а не что-нибудь похуже.

* * *

Очень старый грузин в “Малеевке” – настоящий пустынножитель в рубашке без пуговиц, наглухо зашитой на нем до самой шеи:

– Вы знаете, – он спросил у меня, кутаясь в плед, – что

здесь отдыхает Евгений Солонович, который перевел Петрарку? Как он перевел! Он не перевел! Он вжился в него! А Данте?! Ну, талант – само собой. Но – изящество! Русский человек все же, – он понизил голос, – топором немного сделал...

* * *

– Не понимаю, для чего таких стариков держать в Доме творчества? – возмущался драматург С. – Напоминать о том, что нас всех в скором времени ждет? Возмутительно! А вон тот большой медведь – Каменецкий, автор песни “Есть у революции начало, нет у революции конца!..” – и ведь тоже считает себя большим писателем. Сидит, ничего не делает, жена всю жизнь работает на него простым экономистом. А тут съездил в Париж! На какие, спрашивается, шиши?

* * *

Поэт-песенник Юрий Каменецкий, благородный, аристократического вида, пожилой человек, прошедший Калининский фронт, Воронежский, 1-й Украинский, форсировал Днепр, дошел до Берлина, кавалер орденов Отечественной войны, Красной Звезды... Автор множества песен, их исполнили Вадим Мулерман, Юрий Гуляев, Майя Кристалинская,

Трошин... Его “Ленина в Шушенском” пела Зыкина.

– А дочка меня ругает, – он мне пожаловался. – “Зачем написал «Есть у революции начало, нет у революции конца»? Это нас компрометирует!”

* * *

– ...Ах это вы так отозвались о революции?! – воскликнула наша соседка по столу. – Я сразу к вам охладела!

* * *

Пишу роман “Крио” и никак не могу разделить его на главы:

– А бывает роман – без глав? – спрашиваю у Лёни Тишкова. – Такой, как река?

– Джойс “Улисс”, Марсель Пруст “В поисках утраченного времени”...

– А еще? Есть примеры? – спрашиваю – в надежде слегка понизить планку.

– Этого достаточно, – сурово ответил Лёня.

* * *

По замыслу “Крио” собрался вместить в себя чуть ли не

историю человечества. А моей радужной палитре не по зубам батальные сцены, и я перекладывала эту ношу на плечи Тишкову. Тот храбро сел за компьютер и описывал батальное полотно, словно художник Верещагин. Главное, “лепит от фонаря”, но в результате так получается – будто он это видел своими глазами. Я только его просила, чтобы он писал не как Горький, а как Платонов...

* * *

В какой-то момент Лёня решительно отклонил мою просьбу описать ранение и гибель эпизодического персонажа.

– Слишком тяжело, – вздохнул он. – И потом – такие вещи должен писать профессиональный писатель, а не какой-нибудь графоман.

И лихо добавил:

– ...Заезжий!

* * *

– Все плоды, собранные мною за жизнь с дерева познания, – рассказывала художница Лия Орлова, – вложила я в эту начинку для пирога, аккуратно нашинковала, добавила лучку, перемешала. Теперь только бы не пригорело!

* * *

– Это же роман, – учит меня Лёня, – кто-то должен высказывать философские вещи, кто-то парадоксальные, кто-то – материться...

Писатель и художник Тоомас Калль, который перевел на эстонский язык уйму русской классики, в том числе Гоголя, Булгакова, а заодно и мой “Роман с Луной”, увидел объявление: “Переход на улицу 25 октября”.

– А что, в другие дни – нельзя? – он удивленно спросил.

* * *

Сюжет романа “Крио” повлек за собой сверкнувший на миг и сгинувший в вихре революции реальный поэт Александр Ярославский, мечтавший об эре физического бессмертия, вздумавший заморозить мир и воскресить – чистым и прекрасным. Выискивая сведения о крионике, наткнулась на статейку о почившем американском бейсболисте. Его тело сын отвез во Флориду в фонд продления жизни в Аризонской пустыне, где обещали хранить спортсмена в замороженном виде, пока наука не сможет вернуть его к жизни.

– Как папку своего любил, – растроганно сказал Лёня. –

Хочет, чтоб он воскрес и дальше играл в бейсбол.

– Да ладно, – махнул рукой Серёга. – Просто чтоб он ему бабки дальше давал...

* * *

Вдруг вылетели из головы слова “снайпер” и “паранойя”. Часа через полтора вспомнила. Не знаю, что мне это дало и дало ли вообще, но мир обрел прежнюю устойчивость, а то чуть не потеряла почву под ногами.

* * *

Звонит из Екатеринбурга художник Саша Шабуров:

– Я открыл в Екатеринбурге п-памятник – литературному герою. Двести восемьдесят килограммов металла на него ушло. Это памятник... Человеку-невидимке!..

* * *

Еще будучи уральским художником, Александр Шабуров приехал с выставкой в Москву.

– Как тут у вас в Москве медленно из гостей в гости передвигаться, – ворчал он недовольно. – Вчера был только в восьми гостях, а в Свердловске успеваю за вечер в гостях

двенадцати-пятнадцати побывать. Причем из восьмых пришлось уйти уж очень быстро. Мой друг, у которого я живу, — мы с ним вместе ходили — так напился (я-то не пью и не курю), что через десять минут упал лицом в салат. И нам пришлось удалиться к себе домой, рискуя обидеть хозяев столь стремительным визитом.

* * *

— Ты счастлив? — спрашиваю я у Шабурова.

— Да — в общем и целом, — он отвечает. — ... А куда деваться-то?

* * *

“Маруся, — пишет Дина Рубина, героически прочитав верстку моего нового романа. — Впечатление оглушительное, все крутится-вертится, вращается и гремит, весь прекрасный Макар, его войнушки и революции. Единственное, против чего у меня категорические возражения, это всякие нефритовые жезлы вместо хуев и соитие вместо простого и замечательного дела, которое Макар при жизни явно называл иначе. Вот когда он кричит солдатам: «Всем насрать на портянку и хари обернуть» — тут я падаю в обморок от восторга...”

* * *

– Человек, который меня хвалит, – говорил художник Сергей Бархин, – я чувствую, начинает мне нравиться чуть-чуть больше. А кто ругает – чуточку меньше...

* * *

Достойнейшая Татьяна Филипповна Андросенко, главный редактор “Мурзилки”, попросила меня выступить в школе на Речном вокзале, там в третьем классе учится дочка ее врача. Неискушенная мать этой девочки накупила моих книг на общественные деньги и доверчиво распространила в классе, а когда стали читать, обнаружили, что среди них есть совсем не детские, да еще с ненормативной лексикой!

Татьяна и бровью не повела, когда та позвонила в полнейшей панике.

– А что такого? – царственно произнесла. – Это сейчас модно...

* * *

– Одно время я работала учительницей в школе рабочей молодежи, – рассказывала Андросенко, – тогда ведь было

всеобщее образование, и у меня учился тракторист, вот он написал в сочинении: “Я вас дюже люблю!” Как я его могу забыть? Я и имя его помню: Сашка Булка.

* * *

Какие же легкие – легкие!
Ну ее эту темную клетку грудную!
Взмахнули крыльями – и полетели,
Как птица – на небо и даже выше!
А сердце осталось в теле,
Работать в грудном отделе.

Стихи доктора Тишкова

* * *

– Когда-то у меня пошла полоса больших неудач, – рассказывал Андрей Битов, – и одна женщина сказала: “Молодой человек! Было дело, я слушала Яхонтова в зале – одна! У Яхонтова! были такие моменты!..”

* * *

Битов подписал мне в Праге диск с начитанным им са-

ним романом “Оглашенные”: “Солнечной Марине от мрачного автора...”

“...и веселого барабанщика!..” – быстро приписал музыкант Владимир Тарасов.

* * *

– Он имел мужество уехать, – сказал Андрей Битов о Юзе Алешковском. – А я имел мужество остаться.

* * *

“В окне я вижу Исаакиевский собор, – писал нам Резо Габриадзе, – по этим улицам когда-то пробегал великий Пушкин. Поверь, Марина: двести лет – это всего лишь вспышка и больше ничего...”

* * *

Знакомая моей сестры Аллы загадочно сообщила, что имеет прямое отношение к роду Пушкина по линии Арины Родионовны, ясно помнит себя в прошлой жизни в Михайловском и с нежностью вспоминает проделки маленького Пушкина, – чем очень заинтриговала Аллу, фанатично преданную отечественному пушкиноведению.

Однако на все ее расспросы та сухо отвечала:

– Это сокровенные воспоминания, и у меня нет ни времени, ни желания вдаваться в подробности!

* * *

С маленьким Серёжей приехали к Лёне в Дом творчества художников “Дзинтари”. Мы радуемся, а он сидит мрачный. Серёжа был удивлен.

– А если бы к тебе приехали жена с сыном, ты бы обрадовался? – спросил Лёня прямо.

– Я бы залез в аквариум и превратился в рыбку, – серьезно ответил Сергей.

* * *

У Тишкова день рождения, круглая дата, он попросил Андрея Бильжо помочь заказать стол в ресторане “Майор Пронин”. Андрей все организовал, звонит:

– Будут два горячих – рыбное и мясное, осетрина с картошкой, рыбное ассорти, разнообразные салаты, чай, десерт. Если что – звоните мне на мобильный в Венецию. Завтра вылетаю устанавливать памятник Петровичу.

– Ну, желаю тебе, – говорю, – ...чтобы он украсил собой этот город.

– Да, – ответил Андрей, – он сделает.

Лёня меня потом целый вечер пилил:

– Как тебе не стыдно! Человек нам все устроил, обо всем позаботился...

* * *

В передаче “Книжное казино” Дину Рубину спросили:

– Кто ваш любимый персонаж?

– Мой муж, – ответила Дина. – Ему можно вложить в уста любую реплику. Он только спрашивает: “Разве я это говорил?” А теперь я говорю ему: “Да-да, просто ты не помнишь...”

* * *

В “Малеевке”, в Доме творчества писателей, впервые повстречала философа Георгия Гачева. Он очень любил кататься на лыжах. Даже когда Георгий Дмитриевич просто гулял по дорожкам, то поочередно выбрасывал руки вперед, будто отталкивался от снега палками.

– Вот Гачев мысленно идет на лыжах, – заметил Леонид Бахнов.

– А где его можно почитать? У него есть книжки?

– Конечно! И записные, и телефонные...

* * *

В 80-х годах Бахнов тщетно пытался опубликовать Гачева, носил почитать его философские эссе главному редактору известного литературного журнала.

– Тот как увидел половину слов незнакомых, – рассказывал потом Леонид, – его чуть не стошнило!

* * *

В Театре Ермоловой Олег Севастьянов с Алексеем Левинским играли пьесу Беккета “В ожидании Годо”. Во время спектакля зрители толпами поднимались и покидали зал, громко хлопая дверьми.

Буфетчицы говорили Олегу:

– Что вы там показываете? Они уходят до антракта, не покушав. Кто такой Беккет? Публика спрашивает у нас, а мы не знаем!

* * *

В “Гамлете” Севастьянов сыграл тень отца Гамлета. В фильме “Смирненное кладбище” исполнил роль могильщика. В областном ТЮЗе в Царицыне играл пьяницу в пьесе Горь-

кого “На дне”.

Спустя несколько лет мы случайно встретились в метро.

– Теперь я служу священником в лютеранской церкви, – сказал Олег.

– ???

– Понимаешь, я им рассказал о своей жизни и творчестве, и они безо всякой волокиты поручили мне приход.

* * *

Люся – Лёве:

– Ну ты рад, что тебе исполнилось восемьдесят лет?..

* * *

С Георгием Гачевым встретились на лыжне в Переделкине.

– Слышал по радио про ваше путешествие в Японию. Какая же вы странница!

– А вы – какой пожиратель пространств! – отвечаю.

– Но я-то путешествую ментально, – парировал Гачев. – А вы, матушка, – телесно!

* * *

Ехали с Георгием Дмитриевичем на электричке в Москву. Я как раз прочитала его “Семейную хронику”.

– Я вообще так пишу, – сказал Гачев, – об эросе, о ближнем окружении, а тут и Кант, и Шпенглер – все что хочешь. Жену спрашивают: “И ты не обижаешься?” Она отвечает мудро: “Я не читаю”. А тут у старшей дочери нелады с мужем – каждый день новые впечатления. Я их дословно записывал. Она прочитала – изорвала в клочья, а меня отлупила. Если б ваш отец записывал все перипетии вашей жизни? Вы б тоже не обрадовались! – он вздохнул. – Видимо, менять надо ближнее окружение. А как? Ездить я стал мало. Никого не вижу, по редакциям не бегаю: что я, журналист – бздюльки рассовывать? У меня другое дыхание, эпическое...

* * *

Двое пожилых людей, муж с женой, рассказывают в электричке:

– ...У нас ведь сын – академик...

– В какой области? – я поинтересовалась.

– Ну, – они замялись, – он учится в военной академии.

– Какой же он академик, если только учится? – возмутил-

ся мужик напротив. – Вот закончит – тогда будет академик!

* * *

На Свердловской киностудии решили снимать мультфильм по моему рассказу “Фриц-найденш”. Но предупредили, что из названия им придется убрать слово “фриц”, потому что это *неполиткорректно*.

– Нельзя фашистов обижать? – спросил Лёня. – Они, бедные, и так намучились...

* * *

Звонит журналистка Майя Пешкова, приглашает на “Эхо Москвы”. Она не представляется, понимая, что ее невозможно спутать ни с кем.

– Май, это ты? – я спрашиваю.

– Ой, Марина! – воскликнула Майя. – Ты меня узнала! Я буду богатой?!!

* * *

Художник Лев Токмаков дал мне совет:

– Если хотите понравиться моей жене (известному детскому поэту Ирине Токмаковой), – ругайте Барто, она ее не

любит.

И сообщил, что недавно извлек из помойки журнал, в котором все было о нем. А Ирина Петровна выкинула его, потому что о ней там ни слова.

* * *

В японском городе Нагое ночевала у мастерицы кимоно Чизуру-сан.

– Раньше у нас было так, – она сетовала. – Если младший едет на велосипеде и встречает старшего, он должен слезть с велосипеда и поклониться. А если младший в пальто – он должен снять пальто и поклониться. А сейчас? Народ растерял все лучшие традиции!!!

* * *

“9 мая в 15.00 стрип-бар «Пена» приглашает ветеранов Великой Отечественной войны на встречу – с бесплатной программой и обедом”.

* * *

– Когда мой муж покидал этот мир, – попросила мне передать знакомая наших знакомых, – он мне сказал: “Меня

скоро не будет, и я заклинаю тебя – никогда ничего не дари моим внукам, кроме развивающих книг”. С тех пор – а у них у самих уже взрослые дети – я им дарю только развивающие книги. Вот купила Маринину “Арктику” – собираюсь подарить...

* * *

– Я вольный мыслитель, чем хочу, тем и занимаюсь, – говорил Георгий Дмитриевич Гачев, расцветая под моим восторженным взглядом. – У меня такой стиль: куда ни вхожу, подобно простодушному вольтеровскому Кандиду, наивному человеку, всему удивляюсь. Свежесть первых удивлений – это большая ценность. Когда материал тебе становится привычным, ты перестаешь замечать узловые вещи...

* * *

На Тверской стоит – с кем-то беседует поэт Александр Аронов. Я прохожу мимо и получаю в подарок от него незабываемую крылатую фразу:

– Пахать не пахать – да какая разница! Живым бы быть, остальное хуйня!

* * *

– Это не новость, – сказал Седов. – Все прекрасно знают, что у человека пятнадцать жизней...

* * *

Встретила в метро Шишкина Олега, он шел на съемки передачи “Загадки человечества” рассказывать об апокалипсисе.

– Главную мысль я вычитал у Ежи Леца, – сказал Олег. – “От апокалипсиса не надо ждать слишком много...”

* * *

Художник Виктор Чижиков:

– Марина, ты вселяешь надежду любой своей книгой, одним своим присутствием! Причем ты сама еще не знаешь, как будет, но так убедительно говоришь, что все будет хорошо, – никакая КПСС не могла убедить с большей силой!

* * *

Завели щенка сеттера, и сразу началось: поносы, глисты,

лишай... Лёня сидит – одновременно анализ собирает в баночку и книжку сшивает самодельную – “Новые песни”.

– Сошью, – говорит, – и отнесу в Пушкинский музей. А баночку – в Тимирязевскую академию. Только бы не перепутать!

* * *

С каждым годом у нашего пса Лакки открывались новые возможности. На пятом году он стал есть арбуз и виноград, на десятом – курить трубку, а на пятнадцатом – пить шампанское на Новый год.

* * *

В “Романе с Луной” Тишков сочинил главу про свою луну, где бывший географ Андреич везет ее на корабле в Японию. По дороге они попадают в жуткий шторм, и корабль тонет. А через год Лёню приглашают с Луной в Сингапур и пишут: *Transport – by sea.*

Лёня малодушно предложил там на месте сделать Луну по его чертежам, пытаясь хоть как-то увернуться от им же предсказанной неумолимой судьбы.

* * *

На библиотечном сайте сообщили о юбилярах июня:
“Анне Андреевне Ахматовой – 115 лет.
Александрю Сергеевичу Пушкину – 250.
Марине Львовне Москвиной – 75”.

* * *

– *I am old as the hills...* – говорила о себе Ирина Петровна
Токмакова.

* * *

Оплачивая немалые взносы в Литфонд, год от года возрастающие, в какой-то момент поинтересовалась – какие опции у Литфонда?

– Бюджетные похороны, – ответили мне предельно кратко.

* * *

Моя подруга Ольга попросила подписать “Роман с Луной” для ее сестры, актрисы Ирины Муравьевой. Я написала: “До-

рогой Ире – от поклонника”. Но обнаружилось, что в слове “поклонник” пропустила букву “л”.

– Вставь ее туда незаметно! – говорю Ольге.

– Именно “л”? – поинтересовалась она. – А не “и краткое”?..

* * *

– Ой, – говорю, – что-то я хотела тебе сказать, но забыла мгновенно!

– Ничего страшного, – ответил Лёня. – Привыкай.

* * *

– Как-то зашел ко мне сосед Устин Андреич Мазай, бывший председатель колхоза, – рассказывал Гачев. – “Что это у тебя за книги тут навалены?” Я отвечаю: “Был такой Декарт, французский философ, хочу понять, о чем он мыслил”. – “О чем? – говорит. – А я тебе скажу, о чем он мыслил”. – “Дану!” – говорю. “В охряпку!” – “Как так?” – “Да как бы бабу в охряпку! Об этом все думают. Хоть это французский мыслитель, хоть русский...” В самое яблочко угадал! – торжествовал Георгий Дмитриевич. – Я бы и свой трактат с удовольствием назвал не монотонно – “Доктрина Декарта”, а именно: “Декарт в охряпку”! Забористое русское слово, произве-

денное русским мужиком. . .

И с этими словами преподнес мне свою монографию “Русский эрос”. На титульном листе – размашистый автограф: “Оставляю Русский Эрос в компании с Мариной Москвиной – вместо себя”.

* * *

У отца Льва подскочило давление, вечером вызвала скорую помощь.

Глубокой ночью – звонок в дверь.

– Кто там? – я спрашиваю испуганно.

– Скорая, – мне отвечают. – А вы еще кого-то ждете?

* * *

Тишков явился к Люсе просить моей руки. В модном пиджаке в голубую клетку, американском, который подфарцевал ему однокурсник по Первому меду Витя Савинов, он был радушно принят моими родителями, Люся накрыла поляну, мы выпили, закусили. . . Летели минуты, минула пара-тройка часов, Лёня не просит моей руки и не просит. Люся с Лёвой глядят на меня вопросительно. Я пихаю Тишкова ногой под столом.

– Ну, мне пора, – сказал Лёня, поднимаясь из-за стола.

– Что ж ты руки-то не попросил? – я спрашиваю его у самой двери.

– Ах да! – вспомнил Лёня. – Людмила Степановна! Прошу руки вашей дочери!

– А ноги? – спрашивает Люся.

* * *

Писатель Борис Ряховский зим тридцать тому назад дал мне бесценный совет насчет писательского ремесла:

– Вы еще дитя, а тут надо так: сразу ставить себе задачу, чтобы пупок трещал. А то время фьютъ – смотришь, сил нет, а там и умирать пора.

* * *

Уборщица в Доме творчества писателей Елизавета Ивановна, выскакивая из комнаты какого-то поэта как ошпаренная:

– Наверное, он сидел – писал: “Я помню чудное мгновение, передо мной явилась ты...” И тут вхожу я со шваброй и говорю: “Я извиняюсь...” Он как меня обложит, чуть не трехэтажным!..

* * *

Отец Лев, 95 лет, подхватил воспаление легких, попал в больницу. В палате у него два старика, довольно беспомощных. Он их морально поддерживал, даже слегка ухаживал.

– Надо же, – говорил сочувственно, – а ведь им нет и де-вяноста!

* * *

Пригласили на телеканал “Культура” изучать хинди в передаче “Полиглот”. Ночи напролет я зубрила, записывала, выписывала, ни свет ни заря освежала в памяти, глотая слезы. Уже у всех начало получаться – у литературного критика Саши Гаврилова, пианистки Полины Осетинской, актера Володи Дыховичного, прекрасная Алиса Ганиева вообще заговорила на хинди посреди первого урока, – только не у меня!

– Единственное, к чему Маринка относится серьезно, – это хинди, – вздыхал поэт Юрий Кушак, специально пронаблюдавший 16 серий – узнать, запомню я хотя бы одно слово или нет.

Я запомнила два: “намастэ” – в переводе “здрате” и “забардаст” – “потрясающе”.

* * *

– Это каким надо быть бездельником, чтобы взять и – ни с того ни с сего – изучать хинди! – возмутился Сергей.

– Ерунда, – старался поддержать меня Лёня. – Да за одно за то, что ты решилась там сесть среди них, – тебе орден надо дать. Они все – кто на сорок лет тебя младше, кто на двадцать, а ты наше поколение представляешь, стариков самоучек, нам что – на свалку? Нет, мы тоже учиться хотим. Неважно чему, неважно, что нам это не пригодится, а мало ли? И вообще, то, что ты в студию смогла прийти, несохранная, не потерялась по дороге, восьмой день с утра выходишь из дома в приличном виде, сидишь без очков, не кашляешь, не чихаешь, тебе тугоухость поставили, а ты что-то слышишь, разбираешь, что Петров говорит, тем более на хинди, – в твоём возрасте многие вообще на улицу носа не высовывают, так им опротивел этот мир. Подумаешь, телефон забыла и с тобой никто связаться не может, ни шофер, ни редактор, ты им сказала бы – вы отдаете отчет, сколько мне лет? А я к вам бегаю, хинди изучаю. Ты просто герой – в чистом виде, и на этом стой. А то, что все уже нас моложе, красивее и умнее, это неважно, нам главное живым бы быть, остальное все...

* * *

Полетела представлять роман “Крио” на книжную ярмарку в Калькутту. (“Это какую задницу надо иметь, чтобы на день слетать в Калькутту!” – сочувствовал мне Лёня.)

– Индостан ахнет, какой вы соорудили эпос, – говорила переводчица на книжной ярмарке, листая “Крио”. – ...Почище нашей “Рамаяны”...

* * *

По дороге из Калькутты в Москву в аэропорту Дели встречаю “полиглота” Петрова! Всей семьей – с индианкой Тамрике и детьми – они отдыхали в какой-то пустыне.

– Намастэ, – я ему – на чистейшем хинди.

– Значит, пригодилось?! – Дмитрий так и ахнул.

– Увы, – говорю, – в Калькутте говорят на бенгали.

– ...Выучим!!! – пообещал телеведущий.

– Забардаст! – я ответила с готовностью.

* * *

– Тебе известно, что я потомок великого философа Спинозы? – спросила Дина Рубина. – Девичья фамилия моей ба-

бушки Спиноза. Я просто вылитая Спиноза, если мне волосы на щеках отпустить.

* * *

Когда нас накрыла первая волна вируса COVID-19, в народе возникла философема:

“В магазин ходит тот, кого меньше всех жалко...”

* * *

Ковид немного утих, началась спецоперация в Украине. Родился новый слоган:

“Верните вирус – нормально же жили!..”

* * *

Всё будет хорошо.
Сегодня
это особенно ясно...

Сергей Седов
24.02.2022

* * *

Мы с Лёней записались в программу “Московское долголетие” на цигун. В своей вступительной речи мастер Ли Минь дал несколько оздоровительных древнекитайских советов: есть исключительно теплую пищу, поменьше фруктов и ни в коем случае не заниматься сексом в пять часов утра.

Я конспектирую. А Лёня:

– В *пять утра* можешь не записывать...

* * *

– Кругом наводнения, землетрясения, тайфуны, – я жалуясь, – жестокосердие, падение искусств, забвение наук, чума, бряцание оружием. Как же на этом фоне вести мой семинар “Скажи жизни да!”? Придется честно признаться слушателям: “Я все вру!”

– И наконец-то тебе поверят, – заметил Тишков.

* * *

“Я бросил свою печаль в воду, но она не утонула...” – написал Резо на своей картине.

– Легкая, видно, была печаль, – вздохнула художница Лия

Орлова. – Моя бы сразу пошла на дно, как топор.

* * *

Резо придумал названия для двух городов-побратимов: Жуликоболь и Прохиндееболь.

* * *

Моя тетя Инна работала в спецателье ГУМа, и там у них заказал пошить пальто маг и провидец Вольф Мессинг. Однажды в ателье пропала курточка с манекена. И тетя Инна спросила у Вольфа Григорьевича – кто это сделал? Мессинг, безошибочно предсказавший начало и конец Гражданской войны, победу Советского Союза в Отечественной, день смерти Сталина, дату смерти своей жены, день и час своего собственного ухода, будущую войну в Афганистане и распад СССР, не раздумывая ответил: “Закройщик Яша”. И тот мгновенно признался. Благодарные сотрудники ателье подарили Мессингу модную нейлоновую кофту.

Дочь Инны Алла ни сном ни духом не знала про этот случай, однако давнишняя сотрудница Инны подтвердила: да, так оно и было. И рассказала, как они с Инной потом ходили к Мессингу с какой-то просьбой. Не успели войти, Вольф Григорьевич с порога посочувствовал, что им пришлось пол-

часа ждать автобуса и напрасно они так надолго застряли в булочной, всё сомневались, какой торт выбрать – подешевле-попроще или подороже-повкуснее.

* * *

– Вот мы с тобой ходим к Инне, а потом к Юре, – уговаривала меня Алла. – Я должна тебе все показать – где кто, чтобы ты знала. Потом – это и в твоих интересах, – она добавила, – потому что у Юры там есть место, которое я могу тебе подарить. А что? Кладбище – в черте города. Это будет хороший подарок тебе... на день рождения.

* * *

Алла познакомила меня с могильщиком Николаем:

– А это моя сестра – писательница, – сказала она. – Может, читали ее что-нибудь?

– Я только памятники читаю, – уклончиво ответил Николай.

* * *

Мы с Лёней разговорились про Гитлера.

– Он был просто неудачный художник, – говорю я.

– Да еще его в Академию не приняли! – махнул рукой Лёня.

– Вот лучше бы его приняли!

– Мало ли, куда нас не принимают? – вдруг вскипел Тишков. – Что ж мы теперь должны весь мир уничтожить? И евреев в первую очередь???

* * *

Цирковой силач Валентин Диккуль жаловался мне на трудности, с которыми сталкиваешься, когда поднимаешь лошадь:

– Ведь не всякая лошадь хочет, чтобы ее носили...

* * *

На Новый год я торжественно преподнесла Ольге Мяэотс, литературоведу и переводчику, заведующей детским залом Библиотеки иностранной литературы, шоколадное сердце. А это сердце – ну ёлки-палки! – Ольга мне два года назад привезла в подарок из Швеции...

* * *

Объявление в газете “Из рук в руки”:

“Воскрешаю ушедших”.

И телефон.

* * *

Молодой Иртеньев попросил молодого Тишкова проиллюстрировать его книгу.

Лёня сказал:

– Я сейчас очень занят. Могу тебе порекомендовать моего ученика.

– Пусть твой ученик рисует моего ученика, – гордо ответил Игорь.

* * *

Зав. отделом прозы журнала “Дружба народов” Леонид Бахнов попросил означить жанр моего произведения. А то у них в юбилейном номере – рассказ на рассказе, рассказом погоняет.

Мы давай перебирать жанры, запустили лапу в музыкальную палитру: блюз не блюз, свинг не подойдет, спиричуэл – хотя и духовная песнь, но там формат предполагает вопрос – ответ. Рага – непонятно, Песнь Поклонения – пафосно, сутра – была у меня уже. Взгляд мой падает на пластинку *Fado*. Уличная испанская песня, страстная, пронзительная, слегка

наивная.

“Фадо” – лучше не придумаешь.

– Ну что – по рукам? – радостно кричу.

– По рукам! – отвечает Бахнов.

– Или “Канте Хондо”! “Канте” – “глубокая”, “Хондо” –

“песня”...

– Да, – говорит, – лучше “Канте Хондо”...

– Значит – по рукам?! – кричу.

– По рукам!

В результате он все забыл и вообще ничего не подписал.

– Надо было “рапсодия” назвать, – говорит, – я бы тогда запомнил.

* * *

В средствах массовой информации проскочило сообщение, что прямо на нас летит обломок русской космической станции и ученым не удастся высчитать траекторию его падения.

– Надо эвакуироваться, – серьезно сказал наш сосед, художник Армен Игитханян.

– Лучше не суетись, – ответил ему Тишков, – а то куда ты эвакуируешься, туда он и упадет.

* * *

Друг нашего Серёжи дал сто долларов учительнице, чтобы та ему поставила приличную оценку в четверти по русскому языку. Отец узнал и, возмущенный, велел забрать у нее деньги обратно.

Рубен пошел забирать, а она:

– Ой, что-то у меня сейчас нету...

* * *

Учитель по труду никак не мог запомнить фамилию Игит-ханян. И звал Рубена *Инвентарян*.

– И-гит-ханян, – говорил Рубен. – Я армянин.

– Бывает, – миролюбиво отвечал трудовик.

* * *

Мое первое писательское выступление должно было произойти в Доме актера. Но дебютантов представляли мэтры. А у меня мэтра не было.

– Хочешь, тебя представит Юрий Коваль? – спросили меня организаторы вечера. – Его попросит Таня Бек.

Таня попросила.

Я приехала к Ковалю – и давай с выражением читать свою сказку про крокодила, как тот высидел птенца, много пережил бед и невзгод, в результате они оба снялись с насиженных мест и улетели к чертовой матери.

– Вылитый “Гадкий утенок”, – недовольно проговорил Коваль, раскуривая трубку. – И вообще, хватит уже запускать всех летать! Кстати, почему вы гундосите, когда читаете?

– Ладно, – сказала я, поднимаясь. – Не надо меня представлять.

– Да кто вы такая, чтобы указывать – что мне надо, а что не надо?

– Я? Кормящая мать.

– Какой ужас! Теперь я вижу, какую мне уготовили роль. Выхожу на сцену – большой зал Дома актера – и говорю: “Граждане! Это кормящая мать”. И тут уже муж идет с ребенком из-за кулис. Потому что – пора.

– Не надо мне от вас ничего, – говорю, надевая пальто. – А моего мужа с ребенком не троньте.

– Стойте, – сказал Коваль. – Я вас представлю.

– Зачем?

– А вдруг у вас молоко пропадет?

* * *

Прошло два года – встречаемся в Питере на фестивале

анимационного кино.

– Видел отличный мультфильм! – говорит Юрий Коваль. – Там, понимаешь, один крокодил высидел яйцо – а у него вылупился птенец...

Я пристально смотрю на него. Он замолкает.

– Это не твой ли крокодил?

– Мой.

Пауза.

– ... Что значит волшебная сила кинематографа! – восклицает Коваль.

* * *

Поэт Елена Муравина познакомила меня с Александром Моисеевичем Володиным, любимейшим драматургом, сценаристом, режиссером, поэтом, автором легендарных “Пяти вечеров” и “Осеннего марафона”.

Володин пожал мне руку и ласково так посмотрел – как будто благословил.

* * *

Премьера в “Современнике” “С любимыми не расставайтесь” по пьесе Володина. Актриса Елена Козелькова стоит за кулисами с Александром Моисеевичем – готовится к выходу

на сцену.

– Как же страшно, – сказала Лена.

– А на войне как страшно было... – он ей ответил.

* * *

– Нравится, что я прообраз в твоём рассказе, – написал мне художник Сергей Бархин, когда прочитал “Вальсирующую”. – А особенно рад, что я стал прообразом Остапа Бендера у Лёни Тишкова в иллюстрациях к “Золотому теленку”. Люблю вас обоих.

* * *

– Больше всех на свете я люблю Серёжу Бархина, – говорил Тонино Гуэрра. – Только Феллини – чуточку больше...

* * *

Бархин поставил “Собачье сердце” Булгакова в ТЮЗе. Назначена премьера. Вдруг звонок. Он поднимает трубку: глубокий мужской голос с богатыми модуляциями:

– Это Мейерхольд. Вы не оставите мне билет на “Собачье сердце”?

– Мейерхольд? – переспрашивает Сергей Михайлович, а

сам думает: “Надо два, он с женой, Зинаидой Райх...” – А вам два билета?

– Ну, если два, – последовал ответ, – будет вообще великолепно.

– Я положил трубку и думаю: “Они же умерли!” А потом мне сказали, что это Маша Мейерхольд, его внучка, таким басом разговаривает.

* * *

– У нас был вечер Мейерхольда, – рассказывали мне в литчасти МХАТа, – и целая толпа народу назвались его потомками! В конце концов идет какой-то человек, мы, уже ошалев от родственников: “И вы тоже... сын лейтенанта Шмидта?” А он ответил: “Нет, я Костя Есенин”.

* * *

Лёня Тишков, отправляясь на презентацию своей книги:

– Я приду, проблистаю, дам автограф-сессию для одного человека и уйду.

* * *

После эпохального “Крио” я давай выражать недоволь-

ство договором на следующую книгу: чегой-то на пять лет, а не на три... Кто это “третьи лица”, которым можно передать права? И так далее.

– Ты что, спятила? – удивился Лёня. – Мы вообще думали, после такого романа с нами уже дел никто иметь не будет, а тебе новый договор прислали. Подписывай – не умничай!

* * *

Окрыленный успехом мультфильма “Что случилось с крокодилом”, снискавшего множество премий на фестивалях и любовь зрителей, режиссер Александр Горленко снял еще фильм по моему сценарию “Увеличительное стекло”, и нам сильно за него нагорело от начальства. Нас вызвали на ковер к какому-то заоблачному чиновнику в Госкино, стали распекать на все корки, а Горленко заявляет – весомо, убедительно:

– Поймите, наш фильм жиздится на том...

Я пихаю его под столом ногой. Шестое чувство тоже подсказывает Александру: что-то не так. Но что именно – неясно. Тогда он опять:

– Наш фильм жиздится на том...

Так тот и не понял, на чем у нас там все жиздится.

* * *

Объявление на заборе:

“Нужны рабочие по специальности сойферов, шойхетов и машгияхов”.

* * *

Фёдор Савельевич Хитрук разрешил зайти – посоветоваться насчет мультфильма “Корабль пустыни”, который мы собрались снимать с художником Борисом Ардовым и режиссером Ольгой Розовской. Сценарий был разыгран Фёдором Савельичем по ролям. По ходу чтения он одарил нас бесценными рекомендациями – сценарными и режиссерскими.

– А что касается ваших эскизов Тушканчика, – обратился к Ардову Хитрук, – я вам, Боря, прямо скажу: когда он у вас стоит на этих ляжках, то теряет всякую обаятельность.

* * *

Позвонила Рине Зелёной, спросила, не согласится ли она озвучить в нашем фильме роль Черепахи.

– Обрато черепаху? – возмутилась Рина Васильевна.

* * *

– Я озвучивала первые мультфильмы, которые хоть что-нибудь да значили, – говорила с обидой Рина Васильевна. – А в Министерстве культуры понятия не имеют, есть ли я, была ли, не дала ли дуба раньше Раневской...

* * *

Рина Зелёная – мне:

– Вы будете у меня через полчаса.

– Нет, через полтора.

– Откуда же вы претесь?

И объясняет, как к ней добраться:

– Доезжаете до “Парка культуры”, одна остановка на троллейбусе “Б”. Всех дураков спрашивайте, все будут говорить разное, никого не слушайте, идите мимо громадного дома на курьих ногах, дальше тайга, по ней асфальтовая дорожка, спокойно плетитесь и будьте осторожны – кругом все пьяные! Дом, подъезд, этаж, квартира и код: ДЕВЯТКА, ПЯТЕРКА, ТРОЙКА. Я говорю, как Пиковая Дама, вы должны запомнить.

* * *

Несколько дней подряд я приезжала к ней домой на Зубовский бульвар, нажимала на звонок и слышала из-за двери ее несравненный голос:

– Это кто-о? Разбойники?!

* * *

Мы уединились в комнате, я читаю сценарий, а Рина Зелёная комментирует:

– Вылитый Винни-Пух! Содрала у Заходера. И почему все песни нечленораздельно?

– Потому что у них во рту мороженое.

– А как это скажется на оплате?

* * *

Резо Габриадзе предложили участвовать в эротической выставке. Резо нарисовал на холсте белую стену в водяных разводах и написал: “Если долго смотреть на стену женской бани, она становится прозрачной. У автора не было времени, поэтому он нарисовал, что увидел, а вы смотрите дольше, и вы увидите, что хотите”.

– А если смотреть и смотреть, – говорю, – то станут прозрачными посетители бани, и противоположная стенка тоже станет прозрачной, и наблюдателю откроются такие дали, о которых он даже не подозревал!

– Но это уже работа не на эротическую выставку, – возразил Резо, – а туда, где будут пейзажи – Шишкин, Репин, Куинджи – вот эта компания...

* * *

Из Саратова со мной в купе едут два геолога – Миша и Гена.

Миша – мечтательно:

– Импрессионисты в Пушкинском музее! Сходить бы!

– Да что у них смотреть-то? – отзывается Гена.

– Двадцатый век, Фальк...

– Да я его терпеть не могу! – заявляет Миша. – Я понимаю – Сальвадор Дали, хотя бы две академии закончил. А эти просто не умеют – что Пикассо, что Фальк, что Мане. У меня и с Леонардо да Винчи плохие отношения. Специально взял на поезд билет, приехал в Москву, простоял в очереди восемь часов: “Мона Лиза, Мона Лиза!..” И что?! Да ничего особенного!!!

* * *

На очередном смотре сеттеров наш Лакки занял последнее место – за “брылистые губы”. Увы, породистые невесты предназначались только первым троим.

– Нет, вы ответьте мне, ответьте, – буянил Лёня, – хотя бы приведите пример: кому в женитьбе помешали *брылистые губы*?

* * *

Дома Тишков сел за стол и написал объявление:

“Английский сеттер ищет себе жену – порядочную, умеющую хорошо готовить, непьющую, остроумную, любящую охоту. Жилплощадью обеспечен, есть дом за городом. Телефон: ... Спросить Лакки...”

* * *

– Что ты надеваешь чистую рубашку??? – кричит Лёня, глядя, как я собираюсь в полет на воздушном шаре. – Нет, я чувствую, что я тоже еду! Я чувствую, что я уже еду и – лечу вместо тебя!!!

* * *

Едем с Диной Рубиной в метро, слышим, кто-то – кому-то:

– У него пять дочерей, и всех пятерых зовут Ольги...

– ...И у всех разные отчества, – добавила Дина.

* * *

Мать моя Люся на даче устроила викторину:

– “Как беспомощно грудь холодела, но шаги мои были легки...” Кто это написал? Отгадываем до трех раз. Подсказываю: А. А. А.

* * *

Редактор детского издательства, куда Сергей Седов отдал свои новые сказки, спросил:

– А можно мы вас напечатаем по складам?

– Понимаете, – растерялся Седов, – если б это была пятая публикация, тогда ладно, а то первая – и по складам?

– А с ударениями?

– Ну, с ударениями – куда ни шло, – смиренно ответил автор.

* * *

Мы с Люсей сварганили ужин в честь ее хорошего знакомого востоковеда, питерского археолога Петра Грязневича. Я запекла гусиную ногу.

– Раз он такой знатный археолог, – говорю, – пусть определит, кто это.

Он обглодал кость и сказал:

– Это гусь.

– Правильно, – сказал Лёня, – настоящий археолог может определить, чья это кость, только обглодав ее.

* * *

У Рины Зелёной на стене под стеклом висел бумажный советский рубль.

– Это единственное, что я выиграла в лотерею за всю свою столетнюю жизнь! – объяснила Рина Васильевна.

* * *

Зову Рину Зелёную выступить в моей передаче на телевидении.

– Как ваше здоровье, – спрашиваю, – как настроение?

– Здоровья у меня никогда не было, – мрачно сказала она, – настроение плохое и лучше не будет. Скажите Энтину, чтобы сочинил для Рины песню. Или, может, у него есть какая-нибудь заваливающая? *Чтобы ее на завтра пели все?*

– Для Рины? Ни за что! – воскликнул Юрий Энтин.

Оказывается, в арии Тортилы в фильме “Золотой ключик”, кроме спетых Риной куплетов, был еще один, огласить который она категорически отказалась:

Старость все-таки не радость,
Люди правду говорят.
Как мне счастье улыбалось
Триста лет тому назад...

* * *

– Вот я – никогда не читал детской литературы! – гордо сказал поэт Виталий Пуханов.

– А Драгунского? Голявкина? – удивился Артур Гиваргизов.

– Ни того, ни другого! – с этими словами Виталий взял из салата луковицу в виде розы и сгрыз.

– Вы как Буратино, – сказал Артур. – Хотя – что я говорю? Ведь вы не знаете, кто это такой...

* * *

На фестивале в Таганроге зашли в кафе, Виталий заказал форшмак.

– А что это? – я спрашиваю простодушно.

– Ну-у, Марина, – Пуханов произнес лукаво. – Уж вам-то полагается быть в курсе, что такое форшмак!

* * *

Сергей Михалков – Валентину Берестову:

– Валя, почитай! Г-гениально, з-здорово, з-замечательно... Валя, а теперь прочитай, ч-чтобы мне было инт-тересно...

* * *

Возвращаюсь домой после полета на аэростате. Аэростат “колбаса” – вытянутый, старый, с заплатками от войны.

– Ну, ты летала? – звонит Яков Аким. – Какие мы сверху?

– Маленькие. А тени большие.

– А сколько были в воздухе?

– Да с полчасика.

– А высота?

– Метров триста...

– А облака были?

– Были.

– Спускались – выпускали газ?

– Н-нет...

– А где спустились?

– Там же, где и взлетели: аэростат-то наш был привязан, – пришлось сознаться.

– Прости, – сказал Яша. – Я все хотел спросить, но не мог задать в лоб этот хамский вопрос.

* * *

На выступлении молодых писателей один начинающий литератор объявил, что посвящает свое стихотворение высокому гостю из секретариата СП.

– “Не посвящай, тореро, бой правительственной ложе!” – послышался из зала голос поэта Марины Бородинской.

* * *

– Я на Седова обиделся, – сказал Эдуард Успенский.

– Есть люди, на которых нет смысла обижаться, – заметил Гриша Остер.

– Ну как? – горячится Успенский. – Я с ним везде носился,

а он меня подвел!

– А как бы ты на Олега Григорьева обиделся... – вздохнул Остер.

* * *

Собираюсь на книжную ярмарку. Хочу надеть что-то яркое, полыхающее красками. Лёня говорит:

– Не надо. Писатель должен одеваться просто, как Кафка: темный пиджак, такие же брюки, рубашка – все обычно. А на плече – живой крот.

* * *

Григорий Остер нам с Успенским пожаловался, что ему в нескольких местах отказали в виски. Я была поражена.

– Неужели? – воскликнула я. – Такому уважаемому человеку в трех местах отказали в виски???

– Да не в виски! – отмахнулся от меня Гриша. – А в иске!!!

* * *

– В городе Глазго мы с Кружковым вели семинар переводчиков, – рассказывает Марина Бородицкая, – и в качестве примера взяли “Блистательна, полувоздушна...” из “Онеги-

на”. Так самое сильное впечатление от Пушкина у шотландцев было, когда я чуть не грохнулась, пытаясь показать, как выглядит “...и тонкой ножкой ножку бьет...”.

* * *

– У него фамилия Терпсихоров... – говорю.

– Какая-то выдуманная, – сказал Лёня. – Наверно, в детском доме придумали.

* * *

– А как бьется сердце автомобилиста, когда он отправляется получать номер!.. – говорит наш Сергей. – Если ты не заплатил – это полностью непредсказуемое дело. Все хорошие, благозвучные – они дорого стоят и раскуплены. Ты же можешь получить только “ХРЕМ” или “ФУК”, хоть не “ЛОХ” или “ПОП”! Не дай бог на “УЙ” будет оканчиваться, что-то напоминать из ненормативной лексики уничтожительное...

* * *

Композитор Антон Батагов вернулся с Тибета, позвонил Тишкову и сказал:

– Лёнь, ты не хочешь купить у меня синтезатор с компью-

тером?

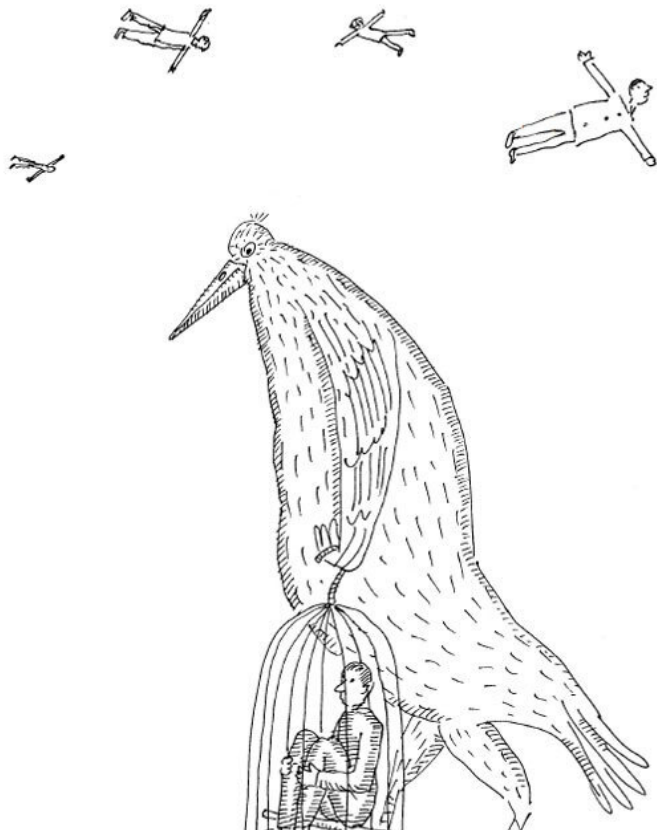
– Мне, конечно, очень приятно, – говорил потом Лёня, – что такой великий музыкант хочет продать мне свой синтезатор, значит, он считает меня тоже композитором!..

* * *

“Позавчера с приехавшими американскими друзьями, – пишет мне Дина Рубина, – я прогуливалась по Масличной горе в обществе экскурсовода Марины Воробьевой. Мы шли дорогой Спасителя, видели белого осла (натурального, живого), всегда ожидающего Его на Масличной горе, спустились в гробницу так называемых малых пророков (Агей, Малахия, Захарья) – действительно, огромный склеп, подземелье, высокие своды, древние ниши для омовения рук, рыжая кошечка, которая привязалась к моей ноге настолько, что вместе с нами спустилась в чрево земли... И бодрый голос американца Алика, вопящего в мобильник:

– Алё!!! Что? Где я? В могиле! Нет, серьезно!..”

Что вы хотите от человека, которого зовут Теодор?

По радио идет разговор о том, как оградить русский язык от засилья ненормативной лексики.

– По краткости и экспрессивности ничто не сравнится с матом, – рассуждает гостя. – Одно короткое слово, и ты выразил бурю эмоций. Кто осудит солдата, который поднимается в бой с матерщиной на устах? Но пусть она царит в пивной, в бане, в мужском туалете! Что делать, чтобы это не лилось зловонной жижей отовсюду?

Звонок от радиослушателя.

– Здравствуйте! Как вас зовут? – спрашивает ведущая.

– ...Александр.

– Ну?

Молчание.

– Матерщина меня оскорбляет до глубины души, – продолжает гостя. – Вы произносите слово, означающее мужские гениталии, а я это сразу себе представляю, и мне противно. Что делать? – ставит она опять вопрос ребром.

Звонок. Это Александр. Он долго молчит, наконец произносит:

– ...Надо проводить беседы.

– Где? С кем???

Тяжелое молчание.

– Что они мучают этого Александра? – говорит Лёня. – У него, видимо, речевая активность очень слабая, а двигательная хорошая. Он быстро набирает номер, быстрее всех, а что

сказать – вот это для него проблема.

* * *

Познакомилась с режиссером Адольфом Шапиро.

Полностью опровергнут слоган Бородинской: “Хорошего человека Адольфом не назовут!”

* * *

Юбилей у карикатуриста Сергея Тюнина, семьдесят лет.

– Ну, желаю тебе никогда не расставаться с чувством юмора! – говорю я.

– С чувством юмора – куда уж нам расставаться? – ответил Тюнин. – С этим чувством и в гроб сходить будем.

– А есть такие люди, – говорю, – у которых совсем нет чувства юмора.

– А есть – у которых свое какое-то чувство юмора, – сказал Тюнин. – Это еще хуже...

* * *

Люся – в Уваровке – Льву:

– Пора закапывать компостер!

– В субботу я не могу...

* * *

Тишкову предложили сделать выставку в Музее прикладного искусства. Он пошел посмотреть пространство, вернулся:

– У меня такое чувство, как будто мне предложили сделать выставку в Мавзолее Ленина. Я спрашиваю: “А можно Ленина вынести на это время?” Мне отвечают: «“Нет, ни в коем случае. Как-нибудь впиши его в общую экспозицию...”»

* * *

В самолете какой-то мужичок внимательно смотрит на Юрия Полякова.

“Узнал”, – подумал Поляков.

А тот взглянул так хитро, с прищуром и спрашивает доверительно:

– Вы – Виталий Соломин?

Юра это рассказал после того, как Людмила Улицкая спросила у него:

– Вы Николай Кононов?

* * *

Тишков, отправляясь за гонораром в издательство за мою книжку о Японии, которую он проиллюстрировал:

– Значит, мне – пятьсот, а тебе – четыреста?

Я говорю:

– Пусть так. Только почему мне четыреста? Я ее все-таки написала...

– Потому что у нас мужчинам, – отвечает Лёня со знанием дела, – платят больше, чем женщинам.

* * *

Когда Марину Бородицкую принимали в Союз писателей, против нее вдруг решительно выступил прозаик Теодор Гладков, автор книг про шпионов и разведчиков.

– В сущности, я этого Гладкова понимаю и не держу на него зла, – сказала Бородицкая. – Что ты хочешь от человека, которого зовут ТЕОДОР?

* * *

В метро один военный – другому:

– Я помню наизусть пятьсот телефонов!

Седов – мне:

– А я – два. Твой и бабушкин.

* * *

Писатель Борис Минаев накупил в “Переделкино” сухарей.

– Я очень люблю сухари! – он признался мне. – Как увижу сухари – сразу покупаю несколько килограммов.

– Что-то в этой твоей любви к сухарям есть...

– ...предусмотрительное, – заметил Юрий Поляков.

* * *

В Доме творчества с нами за столом сидел Валентин Распутин. Поляков что-то рассказывал, и в его рассказе прозвучало слово “инфернальный”.

– Юра, а что такое “инфернальный”? – спросил Валентин Григорьевич.

– “Дьявольский”, – ответил Юра.

– Вот спасибо, а то я не знал, – сказал Распутин с детской улыбкой. – И все думаю, когда слышу это слово: что оно означает?..

* * *

– Морковный суп? – удивился Распутин. – Ведь пост кончился, вы что, вегетарианец? А вы прозаик или поэт? – спросил он у меня.

– Прозаик.

– Все-таки прозаику, – сказал Валентин Распутин, – раз в день котлетку надо бы съесть.

* * *

Официантка в Доме творчества “Переделкино” сделала мне комплимент:

– Вы так кушаете аккуратно, ничего под столом не валяется.

* * *

Литературовед и переводчик Юрий Архипов запечатлевает для вечности Распутина и Личутина.

– Вот я с кем вас сфотографирую, с Мариной! – говорит Архипов.

– А вы чего такие серьезные, – говорю, – улыбайтесь! – Беру их обоих под руки и расплываюсь в улыбке.

– Мне такую фотографию не давай, – сердито сказал Личутин. – А то жена скажет: чем это ты там занимался?..

– Мне дайте, – говорю, – мой муж скажет: наконец-то с настоящими русскими писателями имела дело!

* * *

– Последнее, что я прочитал из молодых, это Нарбикова, – говорил Валентин Распутин. – Меня заинтересовало ее высказывание: “Соловьи поют, чтобы слаще совокупляться. Для того же предназначено искусство”. Мне даже стало интересно, что может написать человек, который так считает?

* * *

Владимир Личутин – поразительный прозаик. Он вскрывает такие пласты языка, которые давно никто не знает и не помнит. Недаром про него говорят: “Не читать Личутина – преступление. А читать – наказание”.

* * *

– На лыжах-то катаетесь, Георгий Дмитрич? – спрашиваю Гачева, повстречав его на проселочной дороге.

– Я лыжи берегу, боюсь, затупятся. И так один конец от-

ломился, вот я его привязал и уже лет пять катаюсь с привязанным концом.

– А чего пластиковые не купите?

– По причине крайней нищеты.

* * *

– Мариночка! – говорила Люся. – Нехорошо постоянно находиться в нирване, когда другие в рванине!

* * *

В Милане наш итальянский приятель Домиано достал билеты на “Тайную вечерю” Леонардо да Винчи.

– А вдруг нам не понравится? – волновался Лёня. – Лучше не смотреть...

* * *

Писатель Максим Гуреев:

– Марин, я у вашего сына в школе преподавал древнерусскую литературу. Сергей пришел сдавать зачет, а я давно его не видел и спрашиваю: “Ты где пропадал?” – “*Я был в скорбях пустынных...*” – он ответил. И я без лишних слов поставил ему зачет.

* * *

Люся решила подарить внуку микроскоп.

Лёва спрашивает:

– Зачем ему микроскоп?

– Рассматривать!

– Кого???

– Своих микробов, – отвечает Люся. – Потом, к ним клопы заходят, тараканы. Ты сам хоть раз в жизни заглянешь в микроскоп. Как это – не интересоваться микромиром? Так ты скажешь: “И что там рассматривать-то – в телескоп?..”

* * *

Артист Георгий Бурков озвучивал Дикобраза в моем мультфильме “Корабль пустыни”.

Потом мы взяли такси, и все это время, пока нам было по пути, он мне рассказывал случаи из своей актерской жизни.

– В восьмидесятых на съемках в Чехословакии денег мало давали. А я купил себе шпигачик и бутылочку коньяка. Сажу в фургон, ем, пью. Ребята заглядывают: “Жор, ну как тут коньячок?” – “На, попробуй!” Все ведь сэкономили...

* * *

– Как Коля Волков будет играть Отелло? Как будет душить Дездемону? – удивлялся Георгий Бурков. – Он сам-то еле живой...

* * *

Про мультфильм “Корабль пустыни”, снятый по моему сценарию режиссером Ольгой Розовской, блистательно озвученный великими артистами Георгием Бурковым, Михаилом Кононовым и Натальей Теняковой, Фёдор Савельевич Хитрук сказал, что он получился до того глупый, что даже смешной.

* * *

Бурков озвучивал прагматичного Дикобраза, Тенякова – наглаватую Черепаху, а Кононов – воздушного, восторженного Тушканчика. Нет, он не озвучивал. Он стал Тушканчиком, тонким, нервным, взволнованным! Сияющая улыбка, нежно-розовая рубашка в желтый квадратик, широкий ковбойский ремень с железной пряжкой со скрещенными кольцами – на обычных брюках, вдрызг изношенный пиджак

фантастического покроя с многочисленными складками на спине. И на карманах шерстяного пиджака – ситцевые кантики в цветочек – жена пришила, чтобы не обтрепывал.

– Хорошо у тебя, Мишка, идиоты получают! – восхищался его гениальной игрой звукорежиссер.

* * *

– Миш, дай реакцию на удар по голове!

– Ёбс! – радостно и звонко воскликнул мой Тушканчик.

* * *

Прислали предложение “Муж на час”. Я обрадовалась, ду-мала – подразумеваются цветы, шампанское, театр, влюбленные взгляды... Оказывается, это касалось текущего крана... развески картин!..

* * *

Лёня выходит из Пушкинского музея, слышит звуки музыки – что такое? Смотрит, сидит охранник и играет на губной гармошке.

– Пряма фашиста напоминает – во всем черном и на губной гармошке! – рассказывал Тишков.

– И что, хорошо получается?

– Ну да. Нормально...

* * *

Писатель Валерий Воскобойников вспоминал, как в питерском журнале “Костер” готовили к публикации повесть Юрия Коваля “Пять похищенных монахов”. А в этой повести сообщается, что в городе Карманове делают бриллианты.

Вдруг в цензуре задержали тираж. Воскобойников, случивший в то время зам. главного редактора, побежал разбираться. Ему объясняют:

– Нельзя называть город, где производят бриллианты.

– Да это придуманный город, – объясняет Валерий Михайлович. – На самом деле такого города нет!

– А бриллианты?

– И бриллиантов нет!

– А вы можете написать расписку, – спросили Воскобойникова, – что тут все выдуманно от первого слова до последнего?

– Могу.

Так вышел “Костер” с “Пятью похищенными монахами” Коваля.

* * *

– Особенно я люблю бездонные произведения, – говорил Коваль. – “Чистый Дор” или “Куролесова”... “Куролесов” пока не окончен. Может быть, я еще одного нахулиганю.

* * *

– У меня в заглавнике тридцать-сорок шикарных начал, – говорил Юрий Осич, – и я в любую минуту могу их продолжить, только ущипни меня за задницу!

* * *

В редакции журнала “Мурзилка” празднуем Новый год. Собрались детские писатели, художники, пир горой. Патриархи – поэты Роман Сеф, Ирина Токмакова, Яков Аким, главный редактор Татьяна Филипповна Андросенко восседают за отдельным столом. Я пристроилась к ним на край скамеечки, подняла бокал и так искренне, от всей души говорю им:

– Здоровья! Здоровья! – и упала под стол.

* * *

Познакомила писательницу Аллу Боссарт с поэтом Романом Сефом и его женой. Жена Романа Семёновича протянула руку:

– Ариэлла.

– Ариэлла!.. – мечтательно произнесла Алка. – Боже мой! Если бы меня звали Ариэлла – вся жизнь у меня была бы другой...

* * *

Когда у Дины Рубиной вышел роман “Синдикат”, Бородицкая расстроилась, что там все про Москвину да про Москвину, а про Бородицкую ни слова.

– А надо было себя более ярко проявить, – сказал наш Сергей, – чтобы обратить на себя внимание Дины. Напрямер, совершить какое-нибудь злодеяние.

* * *

После выхода “Синдиката” мне позвонил какой-то пожилой человек и сказал:

– Значит, вы реальное лицо? Я так и подумал. И без труда

узнал ваш телефон. Вот я хочу с вами посоветоваться: *как жить?*

– С таким же успехом, – говорю, – вы можете позвонить Тарасу Бульбе, доктору Айболиту, бравому солдату Швейку или Робинзону Крузо... Но раз вы дозвонились мне, я вам отвечу...

* * *

– Как ты думаешь, какую сделать обложку к моей книге, чтобы было... рыночно? – застенчиво спрашиваю Серёгу, ставшего акулой книжного бизнеса.

– К твоей книге, – он отвечает, – надо что-то такое, что к ее содержанию, в принципе, не имеет никакого отношения!

* * *

Пора сдавать летний пиджак Тишкова в химчистку. Лёня жметесь, ему жалко денег, тем более дело происходит зимой и химчистка сильно подорожала. Последний раз мы сдавали туда его пальто двадцать лет назад.

Я говорю:

– Второй раз в жизни у тебя наметилась какая-то связь с химчисткой, а ты упираешься.

– Так, значит, вот что такое жизнь! – воскликнул он. – Два

раза в химчистку сходил – и на кладбище?

* * *

“Дорогая Марина Львовна! И дорогой Леонид Александрович! Очень соскучился по вас и решил написать это печальное письмо. Что я делаю? Как всегда, заполняю пустоту ненужными рисунками и грустными историями. Где Лия? Почему она не пишет? Глаза мои смотрят то на вас, Марина Львовна, то на Леонидаса, а язык покажите Лии, если она объявится. Не поленитесь, напишите мне письмо. Любящий вас Р. Габриадзе”.

* * *

Серёжа учится водить машину.

– Ты слишком резко жмешь на тормоза, – объясняет ему инструктор. – А тут надо – как на тромбоне. Тромбонисты знают: чуть-чуть сильнее подул – другая нота...

* * *

Пишу книгу о Японии – про японские сады камней.

Звонит Лёня Бахнов:

– Хорош воспевать Японию, обратись к своим корням!

(Приглашая на фестиваль еврейской литературы.)

* * *

– А как бьется сердце автомобилиста, когда ты отправляешься получать номер! – волнуется наш Сергей. – Если ты не заплатил – это полностью непредсказуемое дело. Все хорошие, благозвучные номера – они дорого стоят и давно разобраны. Ты же можешь получить только “хрем” или “фук”, хоть не “лох” или “поп”... Не дай бог на “уй” будет оканчиваться – что-то будет напоминать из ненормативной лексики уничижительное...

* * *

В начале 90-х бесплатно уже неудобно посещать врача, как-то надо заплатить, а как?

– В Евангелие от Луки хорошо ли положить десятичку? – спрашиваю Тишкова.

– В Евангелие от Луки, – ответил он, – хорошо положить *тридцать рублей*.

* * *

Искусствовед, переводчик, ведущий телепередачи “Мой

серебряный шар” Виталий Вульф работал в Институте международного рабочего движения (ИМРД) в отделе международных организаций, которым заведовал мой папа. И когда бы Вульф ни отпрашивался с работы, Лёва его всегда отпускал.

– Как я могу не отпустить Виталия, – говорил он, – если тот приходит ко мне уже с билетом на самолет и заявляет: “Лёвушка! Я сегодня улетаю в Новосибирск в Академгородок *на встречу со мной...*”

* * *

Фестивальщик Михаил Фаустов, задумавший охватить пожаром книжных ярмарок все населенные пункты планеты, столкнулся с неожиданной трудностью. Писатели, которых он зовет за собой, особенно именитые, спрашивают:

– А город, куда мы едем, – миллионник?

– Миллионник! – уверенно отвечает Миша, даже если этого места нет еще на карте.

* * *

Лёня читает рукопись, которую мы прочим на первую премию в конкурсе “Заветная мечта”, и хохочет над ее незадачливым автором.

– Зато вещь большая, проблемная, – говорю, – школьная повесть, года полтора человек сидел...

– Да-а, всю дурь вложил, какая была, без остатка!

* * *

Лечу в Новосибирск на книжный фестиваль “Открой рот”. Миша Фаустов предупредил, что в аэропорту меня встретит литературный критик Константин Мильчин и ответит в Бердск.

– Я, – говорю, – буду в полосатой шапке, похожая на Инну Чурикову...

– А Мильчин будет с бородой, похожий на Костю Мильчина, – сказал Михаил.

* * *

– Жаль, что я отвлекла вас от вечеринки, – говорю Мильчину по дороге из Новосибирска в Бердск.

– Ничего страшного, – ответил Костя. – До сорока я только и думал, как бы выпить. А после... как бы НЕ выпить!

* * *

У меня на выступлении в первом ряду сидел заместитель

мэра по ЖКХ, слушал, смеялся, радовался, а потом подошел и спросил:

– А если я тоже захочу что-то написать, но у меня совсем нету времени, могу я купить рассказ у какого-нибудь молодого писателя и выдать его за свой?

* * *

– Видимо, у моего папы была какая-то преданная поклонница, – сказала Марина Бородицкая. – На его могиле, когда я прихожу, всегда лежат абсолютно свежие пластмассовые цветы...

* * *

Звонит Лёня:

– Записывай, тебе для твоего романа. На Савеловском вокзале на столбе висит объявление: “Нашел в электричке шаманский бубен с колотушкой”. Звоните – и телефон... Представляешь? Какой-то шаман забыл в электричке настоящий шаманский бубен...

* * *

Резо Габриадзе был знаком с Лёней, а со мной нет. И я

через Лёню передала ему варезжки, на которых вывязала яр-
ко: “Здравствуй, Резо!”

Он очень обрадовался и спрашивает:

– А мне что подарить Марине? Что она любит?

– Она любит ВСЁ.

И он передал мне бумажный кулек с песком из пустыни
Гоби.

* * *

Стали вручать Ревазу Левановичу Государственную пре-
мию, пригласили в Кремль. А он позвал Лёню, ну и меня за-
одно, как свидетелей на свадьбу.

– Только, – говорит, – не опаздывайте! Это очень серьез-
но! Рихтер опоздал на три минуты – ему не дали.

Я пришла раньше всех, стою – жду Тишкова, январь, сне-
гопад. С Васильевского спуска идут получать Государствен-
ную премию Белла Ахмадулина с Борисом Мессерером, сце-
нарист Валерий Приёмыхов, Юрий Коваль привез на маши-
не жену Арсения Тарковского Татьяну Алексеевну... Увидел
меня и удивился:

– А ты что тут делаешь?

– Да так, – говорю беззаботно, – сопровождаю Резо Габ-
риадзе получать Государственную премию.

– Ты большой человек! – воскликнул Юрий Осич.

И тут – как снегирь на снегу – в красной кофте из-под

расстегнутой дубленки нарисовался Резо. А он-то меня не знает!

Тогда я, ни слова не говоря, заключила его в свои объятия, чтобы не опозориться перед Ковалём.

– ...А вы кто? – громко спрашивает Резо.

* * *

Торжественная церемония проходила в круглом зале Совета министров. Речь министра печати, министра культуры. Юпитеры, телевидение, аплодисменты, вручение наград. В заключение Резо Габриадзе дал нам понюхать новенькую коробочку с медалью и удостоверением. Она пахла столярным клеем.

– Инвалиды делали, – сказал Лёня.

* * *

Моя любимая
такая маленькая
я спутал ее с курицей

Сергей Седов

* * *

В Доме творчества “Переделкино” поэт Иван Жданов сидит в холле с веселым молодым провинциалом, взъерошенные оба, с похмелья, на завтрак не пошли.

Я прохожу мимо, а Ваня:

– Поди-ка, поди-ка!

Я подхожу, он спрашивает:

– Кто написал “Трамвай «Желание»”?

– Теннесси Уильямс.

– Уильямс, Уильямс!

– А вы чего на завтрак-то не идете?

– Не хочется, – говорит Ваня. – Иди давай, иди!..

* * *

– Слушайте, вы такой мудрый на сцене, вы и в жизни просветленный? – спросила у Евгения Гришковца.

– Нет! Нет! – он ответил. – Вот стою на сцене – вроде бы и мудрость, и понимание, и доброта. А в жизни – скандалю, и кричу, и плачу, и обижаю всех. Эти вещи невзаимопроницаемы. Не смешиваются, и всё. Хоть плачь. Вот такой парадокс.

* * *

– Марина вобрала в себя лучших мужчин эпохи! – сказал Юрий Норштейн.

* * *

Отец Лев ждет меня около Театра Ермоловой. Там начинается спектакль по пьесе Теннесси Уильямса в переводе Виталия Вульфа. Виталий Яковлевич выходит на улицу раз, другой, меня все нет, папа злится, я опаздываю на полчаса по техническим причинам, короче, наш культпоход не задался. Лев встречает меня разъяренный и произносит в великом гневе – чистым ямбом:

К чему привел богемный образ жизни —
Вне времени, пространства... и зарплаты!!!

* * *

Наш сеттер Лакки среди ночи попросился погулять. А я его научила – ночь, зима, неохота выходить на улицу! – справлять малую нужду на балконе в горшок. Не зажигая света, Лёня вывел его на балкон.

– ...Внезапно я увидел, – он рассказывал, потрясенный, – что лунный свет залил полбалкона! Что такое, подумал я? Почему тут отражается луна? И вдруг понял, что Лакки промазал мимо горшка.

* * *

– Уж если ты выходишь рано утром – так только на похороны... или на рождение, – сказал мой сын Сергей.

– Уже, наверно, только на похороны...

– А между прочим, зря!

* * *

Александр Тимофеевский, автор многих поэтических книг, невероятно прославившийся песней крокодила Гены “Пусть бегут неуклюже пешеходы по лужам”, пожаловался мне в “Переделкино”:

– Раньше я сочинял стихи только на пути к своим друзьям, которые меня ждали. А теперь этих домов нет – приходится сочинять по пути в магазин. И это получается гораздо хуже...

* * *

– В Голицыне, – рассказывает Наталья, жена Тимофеевского, – с Сашей подружился пес Тяпа. И когда Саша направлялся в магазин (“По нашему мужскому делу”, – добавляет Тимофеевский), Тяпа его сопровождал. Как-то они возвращаются – Саша несет свою добычу, а Тяпа схватил с помойки и в зубах несет дохлую ворону. Саша ему: “Тяпа, не позорь меня, я все-таки офицер запаса...”

– А Тяпа мне отвечает, – подхватил Александр Тимофеевский, – “Ты – запаса, и я запаса...”

* * *

Приснилось, что заканчиваю вот эту рукопись и рассказываю о ней моему редактору Вере Копыловой, а она мне – с большой грустью:

– Нам сейчас нужны такие книги, где главный герой обязательно должен быть рабочий. У вас – рабочий?

– Ну да, – отвечаю уклончиво, – в какой-то степени...

* * *

В юности на практике в газете накатала целый подвал о

профессии модельера.

– Такую серьезную статью – и подписывать какой-то школьницей? – засомневался заведомо. – Подпишем: “Слава Зайцев”, если он не против.

– Да что статью! – воскликнул Вячеслав Михайлович, когда я принесла ему свой опус. – Нам надо с тобой такую книгу написать!

* * *

“Сегодня назвали детей: Денис, Игорь, Иван, Менахем Мендел, Александр и Сильвестр”.

* * *

Тишков собирается куда-то, я говорю:

– Надень кепку! То есть бейсболку. В общем, фуражку.

Лёня:

– ...Менахем менделовку!

* * *

На фестивале “Таймырский кактус” в Норильске познакомилась с Дорой Шварцберг, скрипачкой, профессором Венского института искусства и музыки.

– Мы жили в Питере, – она рассказала, – а тут начал наступать конец света, муж сказал: “Надо ехать! В движущуюся мишень труднее попасть...”

* * *

– Я с детства в дороге. Например, нас часто отправляли играть в тюрьмы, – рассказывала Дора. – Мы играли в колонии – кого там только нет! И проститутки, и воры, и так далее. И вот после концерта ко мне подходит девушка – вся в слезах: “Можно я дотронусь до скрипки? А то я ее только по радио слышала, но никогда не видела...”

* * *

Тишков, потрясенный Норильском:

– Да-а, если кто-то недоволен своим уральским городком Нижние Серги, его надо свозить в Норильск в январе на экскурсию...

* * *

Борис Минаев зовет в Екатеринбург выступить в Ельцинском центре.

– Тишков ведь уралец, – он объяснил свой выбор. – А ты

вообще у нас великая...

– ...И ужасная, – быстро добавил Лёня.

* * *

“Москвина – это кратчайший путь от серьезного до смешного”.

Борис Минаев

* * *

Дора Шварцберг:

– Приехали мы в военную часть, а в столовой – только водка и редька. После “обеда” в концертном платье со скрипкой выхожу на сцену. В первом ряду сидит, развалиясь, солдат – в шапке, дышит перегаром и лузгает семечки. Но я ведь тоже выпила! “А ну, – говорю, – хватит грызть семечки, сволочь!” И думаю: сейчас он влезет на сцену и врежет... Нет: снял шапку, подтянулся, сунул семечки в карман. Концерт прошел *как по нотам*. Спустя пару месяцев у них выступал мой ученик. “Передай Доре Шварцберг, – сказали ему, – если ее выгонят с работы – пусть к нам приезжает, мы ее трудоустроим!”

* * *

Звоню папе:

– Мы тебе приготовили суп, тыквенные оладьи, сырники

Лёня поджарил. Спустишься в метро, примешь сумочку?

– Ты что, приняла меня на иждивение? – спрашивает Лев.

– На *десятом десятке* имеешь право...

– Но я не хочу им злоупотреблять... – он элегантно отвечает.

* * *

– Мы такую выставку организовываем, – сказали Тишкову, – “Ни уму ни сердцу”! Предлагаем участвовать! Может, у вас есть что-нибудь?

– Я посмотрю...

* * *

– Сегодня Лемешеву сто лет! – объявила Люся. – По телевизору выступала его жена. “А поклонницы вам не досаждали? – спросила ведущая. – Про сыр была какая-то история?..” – “Конечно! – та ответила. – Их звали сыроежками. Однажды Лемешев пошел в Елисейский магазин и купил

там сыр. Вот они кинулись покупать этот сыр! Поэтому их прозвали сыроежки”. Такую хреновину, – возмущенно сказала Люся, – про Сергей Яковлевича рассказывает!

* * *

Резо Габриадзе – проездом из Лозанны в Тбилиси:

– Алло? Марина? С днем рождения! Желаю вам сохранить красоту еще хотя бы на год...

* * *

– Резо, как вы? – я спрашиваю.

– Хорошо, – отвечает. – Я в хороших брюках, в рубашке, в носках. На мне хорошая голова, и уши не отходят далеко, но жмутся к голове боязливо. Читаю “Моя собака любит джаз”, не залпом – по слогу в неделю: растягиваю удовольствие.

* * *

В Библиотеке Ленина в гардеробе встретила своего семинариста из бывших молодых литераторов – с клюкой и седой бородой. Не размениваясь на приветствия, он сообщил, что мои уроки не прошли даром: вот уже много лет он пишет диссертацию на тему “Как добыть антиоксиданты внут-

ри митохондрий”.

* * *

Наш разговор внимательно слушал джентльмен со щетиной в стоптанных башмаках.

– Я так уставился на вас, – он мне объяснил, – потому что восемь лет не видел улыбающегося человека!

* * *

Мимо пронесся сказочник Марк Ватагин, переводчик ненецких, кабардинских, эвенских, чукотских, якутских, тувинских, алеутских и прочих сказаний, давно справивший 80-летие, но все такой же жгучий брюнет, как несколько десятков лет назад.

– Марк! – я его окликнула.

– Потом, потом, – и помчался дальше.

Вечером он позвонил и сказал, что “очень захотел вниз, причем не просто вниз, а в *самый низ!*”.

* * *

Когда я уходила из Ленинки, за мной долго бежала какая-то старуха и кричала:

– Девочка! Девочка!

Я обернулась, и она разочарованно сказала:

– А я думала, что вы девочка. Вы сзади такая красивая.

* * *

– Поэтому наш Серёжа не хотел туда ходить, когда мы писали диссертацию, – сказал мой папа Лев. – Я ему говорил – сходи хоть разок для приличия. Нет. Только в Британскую библиотеку в Лондоне забурился – и всё.

* * *

В Британской – та же история. В книге У. Г. Кришнамурти “Ошибка просветления” читаю: “Я был совсем сумасшедший, жить негде, бродил по улицам всю ночь напролет. А днем сидел в Британской библиотеке. А чтобы делать вид, что я пришел почитать, – брал толковый словарь подпольного сленга и листал его...”

– А что? – сказал Лёня. – В библиотеке – тепло, недорого можно поесть, хороший туалет и много-много книжек с картинками...

* * *

Поэт Яков Аким познакомил меня с художником Евгением Мониным.

– Это такой человек, – сказал он, – помнишь у Ильфа? Не пройдет в дверь, пока не пропустит всех.

* * *

Евгений Монин:

– Ты знаешь, как меня осаждал один режиссер Одесской киностудии, чтобы я в его фильме сыграл Дзержинского? И не понимал, почему я отказываюсь от роли, где такое количество психологических сцен и крупных планов. Недели две длилась эта осада, мне тогда было не до смеха. Я объяснял ему, что я недосужий человек... А Лия Ахеджакова, с которой мы были тогда дружны, сказала: “Женька, соглашайся, тебе дадут квартиру с видом на Лубянку!”

* * *

Художники Николай Устинов и Евгений Монин поселились в гостинице в номере с одной очень большой кроватью.

– Ты можешь мне поклясться, – спросил Женя, – что моей

чести ничто не угрожает?

* * *

Лёня вернулся из поездки по достопримечательностям Украины.

– Я привез тебе подарок, – сказал он, – каштан с могилы родителей Гоголя.

* * *

Или – он говорит:

– Я привез тебе из Лондона... привет от Биг-Бена.

* * *

– Вот вас, художников – Лосина, Перцова, Мони́на и Чижикова, – зовут мушкетерами. Значит, Атос, Арамис, Портос и...

– Артроз! – подсказал Монин.

* * *

Георгий Бурков:

“Один артист – другому:

– Ну, как я вчера играл?

– Плохо!

– Нет, я серьезно?”

* * *

Я – Люсе, нежно:

– Ты моя Полярная звезда...

– А вы – мой Южный Крест, – отвечает Люся.

* * *

Яков Аким на утреннике, посвященном его 60-летию:

– Ребята, как быстро летит время, просто поверить не могу, что мне уже пятьдесят!

* * *

– Вчера был в Большом зале Консерватории, – рассказывает Яков Лазаревич. – Играл мой хороший знакомый виолончелист Евгений Берлинский. И я еще раз подумал, как музыка объединяет людей: представь, за все первое отделение никто не чихнул, не кашлянул и не зашуршал фантиком от конфеты!

* * *

В Уваровке сосед Лёша от радикулита настоял для растирания поясницы водку на мухоморе. Захотелось выпить. А ничего больше не было спиртного.

Тогда он сел рядом с телефоном (в случае чего вызвать скорую), пригубил и смотрит в зеркало. Видит – не побледнел, ничего. И тогда он спокойно выпил все.

* * *

Мой папа Лев на даче принялся растить картошку. Но у него вышла неувязка с колорадским жуком. Соседи стонали под игом колорадского жука – только и ходили, собирали, согнувшись в три погибели.

– А у меня нет никаких вредителей! – радовался Лев.

Потом у всех выросла картошка, а у него – “горох”.

Сосед Толя пришел посмотреть, в чем дело, и увидел у нас на огороде сонмище жуков.

– Как? Разве это они? – удивлялся папа. – Я думал, это божьи коровки. А колорадский жук, мне казалось, – большой, черный, страшный, похожий на жука-носорога, который водится в штате Колорадо.

* * *

Увидев, как огорчился Лев, Толя сказал нам:

– Я подложу ему в огород своей хорошей картошки, скажу, он плохо копал, и подложу. Он копнет – а там целый клад.

Еще он и кабачок туда закопал. И полиэтиленовый пакет с морковью.

* * *

Лошадь входит в бар и садится у стойки.

– В чем дело? – спрашивает бармен. – Почему такая вытянутая физиономия?

* * *

Моей повести “Не наступите на жука” присудили премию “Алые паруса”. В торжественной обстановке мне вручили конверт, там было письмо:

“Уважаемый лауреат Пятого юбилейного Всероссийского ежегодного конкурса произведений для детей и юношества «Алые паруса»! Приглашаем вас получить денежную премию по адресу... При себе иметь паспорт, ИНН, ПФР... и пр. Предварительно позвонить ответственному лицу.

Гендирекция международных книжных выставок и ярмарок России”.

Я позвонила, а мне отвечают:

– Вам надо перезвонить Лаврушкиной Раисе Васильевне... Она будет вас трудоустраивать и приглашать к определенному времени.

* * *

– Надо постоянно менять сферу деятельности, – учил меня Резо Габриадзе. – То одним заниматься, то другим, в один прекрасный день вообще исчезнуть, а в другой – появиться. А то можно стать зубром и драконом. ...*Не стать драконом очень трудно...*

* * *

Резо приехал в Москву, а мы в Коктебеле.

Я Люсе говорю:

– Зови его к нам домой, дай ключи.

– А ему можно поручить собаку? – она спрашивает.

– Ни в коем случае, – отвечает Лёня. – Резо нельзя поручать ничего реального. Ему можно поручить поймать бабочку и быть абсолютно спокойным за эту бабочку, поскольку

он ее не поймает.

* * *

Пьеса “Кутаиси” была поставлена в Париже как драматический спектакль. В нем играли знаменитые актеры Театра Питера Брука. Когда отмечали премьеру, Питер Брук сказал:

– Резо Габриадзе – не режиссер!

– А кто? – удивились все.

– Он – Создатель.

* * *

– Вот увидите, – сказал Лёня Тишков. – Тайсон скоро возьмется за ум и станет священником. Он уже встретился с детьми из своего района. Они спросили, зачем он откусил ухо своему партнеру. Он ответил: “Разнервничался, расстроился, и так получилось”. – “А вы с детства хотели стать боксером?” – “Нет, мне больше нравилось обчищать карманы...”

* * *

Сергей Бархин, художник, сценограф, драматург, иллюстратор, лауреат пяти премий “Золотая маска”, четыре у

него “Хрустальных Турандот”, Международная премия Станиславского, премия “Триумф” – список его премий и наград занял бы не одну страницу, – любил говорить самому себе:

– Серёжа, если ты не можешь сделать *очень хорошо*, – сделай просто хорошо.

* * *

На приеме в американском посольстве по случаю Дня благодарения собрались известные российские художники. Хозяева торжественно водрузили на стол запеченную индейку.

– А в нашей стране, – сказал Сергей Бархин, – поскольку нам некого и не за что благодарить, этот праздник получил название День НЕудовлетворения или, точнее, День полового неудовлетворения...

* * *

Куда-то мы ехали на поезде и остановились ночью в Гусе-Хрустальном. Нижнюю часть окна закрывали шторы, а сверху за окном поплыли по воздуху сияющие хрустальные чудеса.

Я:

– Лёня! Что это???

А это работники хрустального завода пришли на станцию торговать своими изделиями в три часа ночи.

* * *

– Ну, как ты жила без нас – все это время? – спрашиваем мать мою Люсю, вернувшись из дальних странствий.

– Прекрасно, – она отвечает. – Мне вас отлично заменял зефир в шоколаде!

* * *

Десант московских писателей отправился в гастрольное плаванье по Днепру. Во всех городах от Киева до Одессы нас еще встречали хлебом-солью. Каховка, Днепропетровск, Запорожье, Херсон, Николаев, Очаков... Библиотеки, школы, дома культуры... Я чувствовала себя суперзвездой. Пока на корабле не воссиял Иртеньев: сразу пошли престижные площадки, дорогие билеты, афиши... Пока не доплыли до Одессы, где к нам собирался присоединиться Жванецкий. И всё. Жванецкий в Одессе – это всё.

Хотя дирижер оркестра, грянувшего “семь сорок”, когда мы ступили на берег Одессы, поинтересовался:

– ...А где Шендерович?..

* * *

“Семь сорок” на пристани Одессы отплясывали прославленный лингвист Максим Кронгауз, заслуженный деятель культуры Дмитрий Ицкович, супержурналист Игорь Свинарченко и блистательная Алла Боссарт.

Но Иртеньев отметил именно меня.

– Маринка – сущий дьявол! – сказал он.

* * *

К шапочному разбору подбежал и щелкнул затвором старенький одесский фотограф.

– Немножко опоздал, но что-то все-таки успел, – заметил Максим Кронгауз.

– И снимок будет самый лучший! – добавил Лёня.

Вошли в Днепровский лиман, а там тишина. Только зеркальная гладь с опрокинутыми небесами.

– Пусто, – сказал Игорь Свинарченко, – как в Москве в инаугурацию...

* * *

С тех пор как во мне проснулся талант парикмахера, все рвутся ко мне постричься. Даже лысые мужчины. Лёне надоело, он закатил скандал, мол, я под видом парикмахерской устроила притон.

– Почему меня никто об этом не просит? – риторически спрашивал Лёня.

И сам себе отвечал:

– Потому что я так сумел себя поставить!

* * *

Вызвала на даче слесаря, тот приехал на тракторе с мотором от “Ламборджини”...

* * *

– У меня была приятельница, – рассказывает сестра Наташка, – она работала в морге, замораживала покойников. Веселая, добрая, модница. Бабушки во дворе говорили ей:

“Лена – только ты!” Она отвечала: “Бабулечки, не волнуйтесь, все будете красавицы!”

* * *

На вопрос:

– Зачем вы пишете?

Гарсиа Лорка отвечал:

– Чтобы меня любили.

* * *

В Доме творчества “Малеевка” режиссер Михаил Левитин жил по соседству с поэтом Яковом Акимом, и они по-долгу беседовали. Однажды в комнату Левитина вбежал человек: “Дайте бумаги, я дописываю книгу!” Это был Юрий Коваль.

– Финальные главы “Суера-Выера” он писал на моей бумаге, – рассказывал Левитин. – А потом подарил мне книгу и подписал: “Вашей бумаге – от нашей бумаги...”

* * *

Волны любви покачивали театр Эрмитаж, как старый фрегат “Лавр Георгиевич” в океане, на вечере памяти Юрия Ковалья. Фотограф-художник Виктор Усков рассказал такую историю:

– Однажды мы с Юрой отправились в путешествие и, как ни удивительно, Юра для этого странствия выбрал покровителями святых Косму и Дамиана. Обычно – Николая Угодника, а тут вот эти двое. И всякий раз, как привал и костерок, – первый тост за Косму и Дамиана. Почему? С какой стати? А чудо заключалось в том, что вскоре после Юрино-го ухода напротив моего дома через дорогу вдруг появился храм Космы и Дамиана. Я, как проснусь, выйду на улицу – и передо мной Косма и Дамиан. Я туда зайду, свечечку поставлю за Юру...

* * *

– А мы, по правде говоря, смотрели не очень на род его занятий, – рассказывала Юля, дочка Коваля. – Ну что-то пишет, какие-то стишки у него напечатали в “Пионере” или в “Мурзилке”, что с того? И удивлялись на бабушку, та подбирала каждый его листочек, – мол, она с приветом немного. Я и сейчас не совсем понимаю, что тут такого...

* * *

В Москве у Дины Рубиной собрались поэт Игорь Губерман, писательница Лидия Либединская, режиссер Михаил Левитин и другие достойнейшие люди. Когда я ушла, Леви-

тин спросил: “А это кто?”

– Как? Вы не знаете? Это Марина Москвина, – сказала Дина.

– Понял! – воскликнул он. – Это женщина, которая стрижет Яшу Акима!

* * *

– Я вечно поворачиваю руль не в ту сторону, в какую мне нужно, – сказал нам археолог Пётр Грязневич, – зато я всегда вижу что-то неожиданное...

* * *

– Не понимаю, – удивляется Тишков, – как может быть взрослый солидный человек, а звать его – Лёня? Или Петя?

* * *

Художник Лепин Анатолий Васильевич, живописец трав:
– Слушай, у меня идея насчет тебя, если выгорит – будешь вся в шоколаде. Ты похожа на Цветаеву, тебе ее только в кино играть. У тебя как с дикцией? Ничё? Это облегчает дело. А чё? Бабки заработаешь!..

* * *

В моем рассказе “Метеорит” мужик уральский квасил капусту и в качестве гнета капустного, сам того не подозревая, использовал метеорит.

– Тебе надо написать серию таких рассказов, – предложил Тишков. – Например, человек, задавленный нищетой, идет вешаться, то есть не вешаться, а топиться – с веревкой и камнем на шее. А по дороге встречается ученый и говорит: “А ну дай сюда. Это метеорит!..” – и отваливает ему кучу денег.

* * *

Всю жизнь я мечтала послушать лингвиста Вячеслава Иванова, столько слышала про него от разных почитаемых мною людей. А когда мечта сбылась, и в Дубултах, в Доме творчества, он читал неописуемо интересную лекцию о семиотике, я позорно заснула на первом ряду. Единственное, что меня утешало, – рядом со мной крепким сном спала поэт Марина Бородицкая.

* * *

В какой-то поездке мой папа Лев посетил эксперимен-

тальный террариум. Что удивительно, о научной работе их уникальной лаборатории экскурсовод рассказывал с гюрзой на шее.

Все – потрясенно:

– Позвольте вас сфотографировать!

Экскурсовод – лукаво:

– А я могу и вам ее дать! Гюрза-то дохлая!

* * *

Сергею Седову предложили заключить договор в издательстве на десять лет. Он уже собрался его подписывать. Я еле успела его остановить.

– Вы что?! – говорю издателям.

– А в Японии и на сто пятьдесят лет заключают, – они ответили недовольно.

* * *

Я уже много раз спасал мир
но все равно хочется еще

Сергей Седов

* * *

В электричку, где едет моя мать Люся с новым веником, торчащим из сумки, входит мужик, достает пистолет и говорит:

– Если я проеду Кубинку, всех уложу.

Люся ему отвечает приветливо:

– Так, молодой человек, сядьте и сторожите своим пистолетом мой веник. А я пойду посмотрю по расписанию, когда будет Кубинка.

* * *

Пишу по мейлу Леониду Бахнову письмо из Вьетнама:

Lenya! I love you! Marinka is Hanoya.

Он ответил:

Nadeus, ti eto delaesh, ne skhodya s tropi Ho Shi Mina?

* * *

По радио идет разговор о старых советских временах, сталинских репрессиях, масштабах и последствиях. Разговор серьезный, обстановка мрачная. Вдруг один из собеседников бодро заявляет:

– Да, репрессии никто не отрицает. Но разве только это было? А право на свободный труд, энтузиазм, воодушевление? Какие песни были в исполнении Любви Орловой!!! А Юрий Гагарин?! И – ни хохлов, ни москалей, а только дружный советский народ, охваченный единым порывом!!!

... Через небольшую паузу беседа потекла в прежнем русле.

* * *

Когда-то
я хотел спасти этот мир
но присмотревшись

Сергей Седов

* * *

Летчик-испытатель Марина Попович, записываясь у меня в студии, поведала, что многие очевидцы, имевшие дело с инопланетянами, обнаружили у них полное отсутствие эмоций. Возможно, это были роботы. Людей они называли “животные с эмоциями”. И очень удивлялись, как мы еще не уничтожили друг друга – от избытка чувств.

– Не понимают, – сказала Марина Лаврентьевна, – что у

нас тут все равно торжествует любовь!

* * *

Звонит Бородицкая – поздравить меня с 53-летием. У нее через три дня – то же самое. В трубке ее отчаянно веселый голос:

– Мариночка! Пятьдесят три? Плюнь и разотри!

* * *

– А шестьдесят восемь? – я спросила у Бородицкой пятнадцать лет спустя в грузинском ресторанчике “Джонджоли”.

– Шестьдесят восемь – к рампе просим! – она мгновенно ответила.

* * *

В одесском гастрономе поэт Иртеньев протянул Тишкову бутылку коньяка и сделал знак, чтоб тот ее незаметно вынес на улицу. Лёня категорически отказался. Вскоре выяснилось, что бутылка давно початая, а Игорь пошутил.

– Знаешь, Лёнь, что такое дружба? – возмущенно сказал Иртеньев. – Это когда тебе звонит ночью друг и говорит: “Я убил человека”. А ты, ни секунды не раздумывая, отвечаешь:

“Где будем закапывать труп?”

* * *

В Пензе на книжном фестивале зашли в гостиничный ресторанчик поужинать, а там оглушительное гулянье с грохочущей музыкой и заздравными тостами в микрофон.

– Не понимаю, – задумчиво произнес писатель Александр Кабаков, – почему то, что вызывает во мне отвращение, другим доставляет наслаждение?

* * *

Однажды мы с Седовым придумали детский сериал и предложили его на телевидение. Причем Седов сам хотел всё поставить и чтобы мы с ним исполнили все роли.

– И вам не нужен режиссер? – спросили нас изумленно.

– Нет, – отвечаем.

– А что вы уже сняли? – поинтересовались у Седова.

– “Восемь с половиной”, – сказал он, приосанившись, – “Романс о влюбленных”, “Я шагаю по Москве...”

* * *

– Серёж, – говорю Седову, – тебе привет от одного худож-

ника, он как-то представился, я забыла – то ли Упокой, то ли Неупокой...

– Так НЕ или У? – спросил Седов.

* * *

На фестивале в Нижнем Новгороде представительница оргкомитета Антонина сказала мне на прощанье:

– Вы к нам почаще приезжайте. Вот я ничего не читала вашего и совсем не знаю, а многие вас, извините за такое слово... *заказывают*.

* * *

Моя мать Люся училась на филфаке МГУ с переводчицей Беллой Залесской, мамой Ани Герасимовой, рок-музыканта по прозвищу Умка. В ознаменование своего 80-летия Люся решила посетить ее концерт в клубе “16 тонн”.

– Громковато не будет для нее? – засомневалась Умка.

– Ничего, она привычная, – успокоила ее Белла. – Люська в войну была зенитчица, у них в Крылатском четыре пушки стояло на батарее...

* * *

Старый еврей в парикмахерской жалуется на жизнь:

– То не так, это не эдак...

– Дорогой мой, вас не устраивает этот мир? – спрашивает парикмахер.

– То есть абсолютно!

– Вы хотите его переделать?

– Да, хочу!

– Тогда почему вы решили начать с моей парикмахерской?

* * *

Знаменитый дизайнер, лауреат Государственной премии Андрей Логвин подарил Лёне авторскую майку с надписью на груди: “Все говно, а я художник”. Лёня ходит в ней по дому.

– Чистенько и хорошо, – говорит он благодушно.

* * *

– Однажды я увидела в магазине давно пропавшее с прилавков издание “Высокой воды венецианцев”, – рассказыва-

ет Дина Рубина. – Я взяла книжки, подхожу к кассе и спрашиваю: “Скажите, пожалуйста, если я заберу все три, мне будет скидка?” – “Нет”, – ответила продавщица. “Но это моя книга...” А она: “Вот когда заплатите – тогда будет ваша!”

* * *

Мой сын Серёжа решил отдать мне свои брюки фирмы *Alberto*.

– Сто долларов стоят, – сказал он, вздохнув. – ...А ты не понаслышке знаешь, что нужно сделать, чтобы заработать сто долларов! Как помотаться по миру, какие чечетки поотбивать и поотплясывать качучу...

* * *

На ярмарке *Non/fiction* встретила издателя Дмитрия Ицковича, бородатого, черноволосого, с моей книгой “Дорога на Аннапурну”. Увидев меня, он воскликнул:

– Ярости и тоски не хватает на обложке! В книге это есть, а на обложке не хватает!!!

* * *

– Я лучший врач среди художников и лучший художник

среди врачей, – с гордостью говорит о себе Леонид Тишков.

* * *

Как-то Бородицкая пожаловалась Тишкову на высокий уровень холестерина в крови.

– Уровень твоего холестерина, – успокоил он ее, – соответствует уровню твоего темперамента.

* * *

Юра Ананьев – дрессировщик медведей и разного другого зверья – был универсальным драматическим актером. На сцене Уголка Дурова он создал настолько точный и колоритный образ Владимира Леонидовича Дурова – с усами, лихо загнутыми кверху, в камзоле с большими карманами, набитыми печеньем и вафлями, рубашке с кружевным воротником, атласных шароварах по колено, шелковых чулках и золотой бабочке, – что казался достовернее самого Дурова. Юра был Дедом Морозом от Бога, и если новогодний Саваоф и впрямь существует, то это исключительно Юрин типаж. Он мог принять любое обличье и всегда попадал в яблочко, ничего случайного, каждая деталь костюма, грима – работала на образ.

Как-то я звоню ему:

– Юр, как дела?

– Ужасно, – он отвечает. – Сижу гримируюсь под Нелюдя. Режиссер поручил мне роль Нелюдя, а как он выглядит – никто понятия не имеет!

* * *

Лёня в Уваровке:

– Мы тут под елками встретились, три мужика – я, Миша и Женя, и все про груши говорили, про грибы. Поговорили минуты три и разошлись. Они про помидоры стали говорить, а мне это было неинтересно.

* * *

Наш сосед Женя долго и старательно прививал грушу к рябине и в конце концов добился успеха! У него народились маленькие горькие груши.

* * *

Женя – бывший милиционер. Лев кому-то его представил:

– Женя – наш большой друг, он нам лук сажал.

– Что лук! – сказал Женя. – Я людей сажал!

* * *

В моей передаче на телевидении Юра Ананьев снимал козла. Почему-то из Уголка Дурова за ними не приехала машина. Мы вышли на дорогу. Я подняла руку, голосую, а Юра с козлом отошли в сторонку. На мой зов остановился какой-то драндулет.

Я – приветливо:

– Нам нужно с вами подвезти одного козла.

Пока водитель пытался переварить эту информацию, Юра стремительно затолкал козла в машину и сел сам.

– Но вы ведь сказали – *одного!* – обиженно проговорил шофер.

* * *

Когда я жаловалась на что-нибудь, мама всегда говорила:

– Как ты можешь быть чем-то недовольна? Вся твоя жизнь – сплошной фейерверк!

* * *

На английском итальянцы не разговаривают, поэтому в Риме, не зная итальянского, то и дело попадаешь впросак.

Заказываешь в ресторанчике вегетарианскую пасту, а тебе приносят brutальные сардельки.

– Зачем я только беру тебя с собой! – возмущался Тишков. – Хотя бы словарь полистала наиболее употребительных слов!

– Клянусь, – я произнесла торжественно, – в следующий раз с тобой поедет в Рим человек, который свободно владеет несколькими итальянскими словами!

* * *

У Якова Акима была знакомая, она говорила:

– Я без того, чтобы мне позвонили и пригласили на любовное свидание, вообще утром не встаю с постели.

В какой-то момент она призналась Якову Лазаревичу, что полностью растеряла к этому весь *научно-художественный интерес*.

* * *

Литературовед Надежда Иосифовна Павлова:

– Мы с Яшей Акимом были в Болгарии, он там купил себе вельветовый пиджак. Тогда было модно. Он ведь красавец, пришел в этом пиджаке, а я возьми и ляпни: “Ну прямо Дориан Грей!” – черт бы меня побрал!

* * *

На празднике журнала “Дружба народов” зам. главного редактора Наташа Игрунова показала мне сына писателя Виктора Драгунского – с детства любимого героя “Денискиных рассказов”! И я увидела усатого мужчину со щетиной, в костюме и в очках.

Понятно, что ему все осточертели с этим делом, поэтому я подошла и просто молча потрогала его.

Он улыбнулся и сказал:

– Живой, живой.

* * *

– Серьезно, достали, – вздохнул Денис Драгунский. – Читаешь лекцию (Денис Викторович – филолог, философ, экономист, преподавал греческий язык в Дипломатической академии). Спрашиваешь: у кого есть вопросы? Все молчат. Поднимается робкая рука. “А вы правда кашу из окна вылили?”

* * *

– Не знаю, в детстве он этим страшно гордился, – вспоми-

нал художник Чижиков. – Размахивал книгой “Денискины рассказы” и говорил: “А вот это про меня!” Он очень хорошо рисовал корабли. Виктор дарил нам его рисунки, они у нас висели на стенках. Поэтому в рассказах Драгунского фамилия Дениса – Кораблёв.

* * *

На Новый год Лёня Бахнов пошел на улицу проветриться. Идет в три часа ночи, песню поет – кругом петарды взрываются, салют, ракеты... Вдруг смотрит – прямо на него по тротуару, извиваясь и шипя, несется во-от такая здоровенная фиговина, рассыпая снопы искр. Он раз – и раздвинул ноги. Она у него между ног пролетела и буквально метрах в двух с невообразимым грохотом разорвалась, как шаровая молния.

– Ты не поверишь, – сказал Лёня. – Но я даже на некоторое время перестал петь. Моя песня просто застряла в горле. Ведь взорвись она на пять секунд раньше, я мог – ни с того ни с сего, в новогоднюю ночь – лишиться своих вторичных половых признаков! Нет, я, конечно, знал о жертвах новогодней пиротехники, но мне совсем не хотелось пополнить собою их и без того большое число...

* * *

Поэт Герман Лукомников:

“Беседуют два католических монаха.

– Доживем ли мы до отмены католической церковью целибата?

– Мы – нет, – со вздохом отвечает второй, – но вот дети наши...”

* * *

Денис Драгунский:

– Папа очень дружил с Яшей Акимом. И говорил про него: “Вошел Яша Аким и скромно стал в уголок, стесняясь своей красоты”.

* * *

Чижииков:

– Своими смешными историями Витя Драгунский валил с ног любую аудиторию. Да он и сам любил похохотать. Хочущий Драгунский – это что-то. “У меня зубы – небрежно рассыпанный жемчуг”, – говорил он о себе.

* * *

Яша Аким:

– Когда я пью, на меня смотрит Бог.

* * *

– Я был на даче, в деревне, – рассказывает Виктор Чижиков, – и никакого это мне удовольствия не доставило. Плохая погода, все время дождь. Там, правда, Коля Устинов рисовал книгу – воспоминания Коровина. И вот из этих воспоминаний вырисовывается образ Шаляпина как ужасного скопида. Такой у него бас, диапазон, такие роли – Борис Годунов и так далее. А при этом – жмотина и крохобор.

* * *

Муж нашей родственницы писатель Олег Добровольский, автор книг о Саврасове и о Голубкиной в серии ЖЗЛ, покидая этот мир, завещал развеять его прах на Крылатских холмах.

– Алик об этом просил, когда там еще были чащи лесные, – Лилечка переживала, – а сейчас раскинулся культурно-спортивный центр! Что ж я буду в этой спортивно-эколо-

гической рекреации...

* * *

– А со мной – чтоб никаких забот, – важно заявил отец Лев. – Как можно проще!

– Если ты не хочешь утруждать своих близких, – говорю ему, – надо быть всегда живым, здоровым...

– ...и по возможности богатым? – спрашивает папа.

* * *

Впрочем, я тоже попросила Лёню, чтобы он развеял мой прах над Гималаями.

– Ты бы еще попросила на Луне, – сказал отец Лев. – А над Гималаями – это в самом крайнем случае!

* * *

Из Рима с нами в самолете летели две девушки родом из Краснодара, очень горластые, одна чуть не устроила драку со стюардом, ругалась на чистом итальянском языке, не давала ему пройти. Он пригрозил, что вызовет к трапу полицию. Она отвечала оскорбительными жестами. Наблюдая эту картину, мы с Лёней, не сговариваясь, подумали: какое сча-

стье, что у нас невестка хоть из Краснодара, а такая редкая жемчужина!

* * *

Рассказываю папе, что Серёжа всячески выказывает недовольство, мол, я мало времени уделяю своим внукам.

– Пусть скажут спасибо, – отозвался Лев, – что им не надо отводить тебя в фитнес-клуб и там сидеть ждать, чтобы привести обратно!

* * *

В экспедицию на Северный полюс я на всякий случай взяла с собой бигуди.

– Да-а, пожалуй, бигуди тут не выстрелят, – говорил Лёня, оглядывая бескрайние арктические просторы. – Брось их где-нибудь в снег. На следующий год наши приплывут, а у медведей жопы кучерявые...

* * *

Однажды Седову сообщили, что к нему с предложением собирается обратиться продюсер Бекмамбетов.

– Я даже стал скорей бежать отовсюду домой, – говорит

Седов. – И когда приходил, спрашивал у мамы: “Бекмамбетов не звонил?”

– Ты знаешь, – сказал он мне через несколько месяцев, – я уже начал волноваться: все-таки богатый человек. Вдруг телохранители зазевались или какой-то завистник... Прямо хочется позвонить и спросить – все ли с ним в порядке?

* * *

Я – нашему издателю:

– Понимаете, мы с Седовым имеем дело только с порядочными людьми, поэтому мы даже друг с другом дел никаких не имеем.

* * *

Юра Ананьев замечательно играл на трубе. И научил этому своего гималайского медведя. В трубу Топтыгину Юра закладывал бутылку с молоком, рассчитанную по секундам на основную тему “Каравана”. Топтыгин лихо вскидывал трубу на первой ноте и не опускал – до последней.

Однажды кто-то крикнул из зала:

– Медведь халтурит!

– Почему? – спросил Юра.

– На кнопки не нажимает.

– Он вам что, – произнес Юра своим благородным бархатным баритоном, – Армстронг?

* * *

– Кстати, однажды медведь прокусил мне руку, – сообщила нам с Юрой Рина Зелёная. – В мою руку налили сгущенки, и он ее лизал. А я заговорила, он все слизал и прокусил насквозь. Но! – Она сделала эффектную паузу. – У него, оказывается, такие чистые зубы, что мне даже не делали уколов, а просто обмотали руку тряпкой – и все.

* * *

Писатель, редактор и мой соведущий на радио Феликс Шапиро звонит Наталье Дуровой, чтобы пригласить ее на радиопередачу.

– Шапиро... Шапиро... Где-то я уже слышала эту фамилию... – задумчиво произносит знаменитая дрессировщица.

– В Одессе из каждого окна... – ответил Феликс Бениаминович.

* * *

– В Одессе хозяйка, у которой я жила, – рассказывает На-

дя Павлова, – то и дело щедро и громогласно осыпала проклятиями своих соседей и близких родственников. У нее двое детей, оба плохо едят. Она им кричит: “Чтоб вы сдохли! Но только сразу оба – другое меня не устраивает!”

* * *

– Только разговаривай дружелюбно! – предупредила Надежда Иосифовна, собираясь представить меня перспективному издателю.

– Да я и не могу иначе!

– А вдруг в тебе зыграет?

* * *

– Нет, представляешь? – возмущалась Надя. – Она мне так в лицо и говорит: “Вот мельница, она уж развалилась!”

* * *

– Одно можно сказать, – заметила Надежда Иосифовна Павлова в свои 92, пережив тысячи невзгод, недугов и печалей, – жизнь очень хороша, черт бы ее побрал!!!

* * *

Лёня, когда узнал, что “Новый мир” отклонил мой роман:
– Как ты думаешь, *потому что он слишком что?*

* * *

Лёва с Люсей поехали осенью в Уваровку – середина октября, они затопили печку и поторопились задвинуть заслонку, чтоб было теплей. Легли спать. Люся говорит: “Лев, а вдруг мы с тобой угорим?”

– Знаешь, что Лёва мне на это ответил? – спрашивает она у меня потом.

– Что?

– Вот будет Марине мороки!

* * *

В “МК” в подвале криминальной хроники опубликовали материал под заголовком “Марина Москвина отработает каждую бутылку” – про некую мошенницу, мою тезку, регулярно похищавшую с корпоративов алкогольные напитки. И увенчали эту статейку моим жизнерадостным портретом.

– В какую сумму вы оцениваете свои честь и достоин-

ство? – спросил меня адвокат, которого я наняла для возмещения мне морального ущерба.

– В миллион!!! – сказала я очертя голову.

– Один?

– Один...

* * *

Увы, наша протестная нота не возымела действия. Адвокат объяснил мне, что в результате морального ущерба жизнь пострадавшего должна покатиться под откос, тогда – да, а так – нет.

– ...А нельзя это как-то организовать? – серьезно спросил адвокат.

* * *

– Я тебя понимаю, – сочувствовал мне Тишков. – Это нам, авангардистам, неважно, что о нас пишут, лишь бы имя трепали. А даме – ей нужно другое...

* * *

Но когда одна безрассудная женщина обвинила Лёню в том, что он совершил ограбление со взломом и унес все твор-

ческое наследие покинувшего этот мир художника – вместе с телевизором и холодильником, и эту информацию трижды напечатала единственная уважаемая нами газета, – как я ни уговаривала Тишкова, что это только возвысит его в глазах общественности и привлечет дополнительное внимание к его персоне, Лёня был о-о-очень недоволен...

* * *

“Чем меньше человеку нужно, – говорил Сократ, – тем он ближе к богам”.

* * *

Еще он говорил:

“То, что я понял, – прекрасно. Из этого я заключаю, что и остальное, чего я не понял, – тоже прекрасно...”

* * *

– Мы уже все щеки подставили, а их не так много – всего по четыре у каждого...

* * *

– Марина Львовна, – сказал мне знакомый юрист, – если у вас есть малейшая возможность не судиться, никогда не упускайте ее...

* * *

В Одессу на корабле плыл с нами главный редактор “Огонька” журналист Виктор Лошак. Писатели приняли на грудь и пели, а Виктору позвонила жена Марина, будущий директор Пушкинского музея, коренная одесситка. Поражаясь слаженному хоровому пению литературного критика Николая Александрова, журналиста Игоря Свиначенко и поэта Максима Амелина, Марина Лошак посоветовала нам из достопримечательностей в Одессе: “Кларабар” в Городском саду, кафе “Дача” на Французском бульваре и “Хуторок” в парке Шевченко.

* * *

Иртенев – Игорю Свиначенко:

– Зря ты бросил пить!

А Игорь:

– Так пьяный я такой же, только хуже. Марина знает...

* * *

Нет-нет и отзовутся товарищи по перу о моих творениях в отрицательном смысле. То поэт Вадим Ковда выразил неудовольствие моим слогом, то литературный критик Андрей Немзер написал, что “Роман с Луной” можно считать романом только при полном олунении... Гений всех времен и народов Игорь Холин вообще заявил:

– Ваше назначение, Марина, знаете какое? Художника Тишкова беречь.

– Да просто твои книги никого не оставляют равнодушным! – успокоил меня Лёня.

* * *

...И задумчиво добавил:

– Вы, писатели, ищете не истину, а как сказать – всё равно что!

* * *

В Израиле Дина Рубина организовала мне ежедневные экскурсии под неусыпным оком своего сына Димы, которого

она устроила координатором всего и вся в знаменитое турагентство Марины Фельдман. Дима боялся, что я зазеваюсь и отстану от автобуса где-нибудь в Назарете, Вифлееме или, не приведи бог, на Голгофе, поэтому указывал на меня дланью экскурсоводу и говорил:

– Присмотрите, пожалуйста, за этой дамой, это наша тетушка, она такая растяпа!

* * *

По жаркому Иерусалиму Дина фланирует в шляпе, а я в чалме.

– Марина Москвина из Бомбея! – представляет она меня своим друзьям.

– ...Не могу же я сказать “Москвина из Москвы”, – Дина объяснила мне, – это масло масляное...

* * *

Стали думать с Люсей, что подарить ее двоюродному племяннику, который вообще ничем не интересуется, на 25-летие. Может быть, лупу, как сотруднику прокуратуры? Или трость и плащ – как аксессуару Шерлока Холмса?

– Что же ему подарить? – озабоченно спрашивала Люся. – Может быть, красивых разноцветных презервативов?

* * *

Поэт Геннадий Калашников – бесконечно лояльный, с неисчерпаемым чувством юмора. Один только раз я видела его возбужденным и разгневанным – когда заговорила о литераторе, которого он подозревал в антисемитизме.

– Поверь мне, Гена, – говорю, – я знаю этого человека много лет, мы уйму времени с ним провели, гуляя и выпивая и размышляя об индуизме и буддизме, и никогда, ни в какой степени подпития не слышала я ничего такого, о чем ты сейчас возмущаешься. А ведь люди, которых ты имеешь в виду, разговаривают об этом вслух даже сами с собой!

На что Гена воскликнул с неожиданной горечью:

– Да разве с тобой можно поговорить хотя бы о чем-нибудь, что действительно по-настоящему волнует человека?!

* * *

Чуть ли не сигнал моей первой книжки, который мне самой-то дали на время – показать родителям, я с трепетом подарила в ЦДЛ Юрию Ковалю. Он ее тут же в трубочку свернул, бурно ею жестикулировал, почесывался, дирижировал, кого-то окликнув, постучал по плечу, кому-то дал по башке, потом вдруг опомнился и спрашивает:

– Слушай, ничего, что я твою книгу... скатал в рулон?

* * *

На побережье Балтийского моря в Дубултах Коваль увидел двух высоченных стюардесс. Юрий Осич с ними познакомился, пригласил в гости, выдумал, что у него друг – летчик.

– Все в Доме творчества ахнули, когда их увидели, – он рассказывал, – а они влюбились в нас с Яшей Акимом, расставались – плакали, обнимались, целовались. Одна даже долго мне писала письма.

Тут в наш разговор вмешался Яков Лазаревич – ему показалось, что в обществе столь низкорослых экземпляров, как мы с Бородицкой, невежливо воспевать длинноногих дам, поэтому он сказал:

– Ерунда! В женщине главное... ум.

Коваль искренне рассмеялся.

– Да-да, – настаивал Аким. – И вообще, один мужчина может любить нескольких женщин.

– Скольких, Яков? – посерьезнел Юра. – Говори, скольких? Трех?

В период упадка Дома творчества “Переделкино” директором был назначен некий Сергей Степаныч, которого все путали с его братом-близнецом Иваном Степанычем, они постоянно играли в бильярд в новом корпусе, иногда к ним заглядывал на огонек поэт Валентин Устинов – продолжатель традиции русской поэзии Кольцова, Есенина и Рубцова, президент им же созданной Академии поэзии. Мне он напоминал гонимого короля Лира, во всяком случае обстоятельства жизни того и другого на старости лет складывались примерно одинаково. Вот он собирается идти к себе из нового корпуса в старый, а зима, дорожки песком никто не посыпает... Генеральный директор издательства “Московский писатель” Александр Федорович Стручков говорит Сергею Степанычу:

– Проводи Устинова, а то темно, скользко.

Директор дома творчества, захваченный игрой, не сразу откликается, а потом открывает дверь и кричит на весь писательский городок:

– Валентин Алексеич, стой, я тебя провожу, а то ты еще пизданёшься...

У каждого свой даблоид

– У нас в молодежной редакции на радио, – говорила Люся, – был начальник. Он нас собрал, отчитал и в заключение произнес, кипя от возмущения: “Все это способствует разврату и призерватуции!”

* * *

В электричке:

– ...У него клубника разговаривала и так хорошо выговаривала букву “р”!

* * *

– С какой стати вы говорите мне “ты”?

– Да тут некого называть на “вы”. Тут на “ты”-то некого называть!..

* * *

Сибирский театр заказал нам с Седовым пьесу – мюзикл. Спустя некоторое время они приехали к нам на гастроли в Москву. Музыка, декорации, костюмы – все на высшем уровне. Люся с Лёвой сидят – кайфуют, в финале аплодисменты сотрясли Театр на Малой Бронной. Режиссер вышла на

поклон и давай благодарить спонсоров. Она перечисляла их имена, осыпала цветами. Неожиданно моя мать Люся стала пробираться к проходу и вскоре оказалась перед микрофоном.

– Друзья! – обратилась она к зрительному залу. – Помню, я бывала здесь во времена, когда на этой сцене выступал великий Михоэлс. И – что интересно – публика тогда кричала не “Спонсора! Спонсора!” – а... – и она сделала эффектную паузу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.